

«ПЛОДЫ ЛИВАНСКОГО КЕДРА»

Была и надпись, потрясающая своей
глубиной: “Помилуй мя, Господи.”

*Ярослав Гашек. Похождения
бравого солдата Швейка*

Предлагаемая вниманию читателей работа является не столько рецензией, сколько размышлениями, уточнениями и замечками на полях недавно вышедшей книги – Л.В.Столярова “Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV веков”. Авторы понимают, что несколько запоздали со своими замечаниями, но в оправдание свое могут сказать следующее.

Во-первых, им пришлось прочитать справочник, не предназначенный для последовательного, систематического чтения, целиком от первой до последней страницы. В результате этой титанической работы у одного из авторов замечания разной степени серьезности вызвали около 150 из помещенных 514 записей, у другого – явно не менее этого числа, и это были не всегда одни и те же записи¹. Но после этого авторы под любыми предлогами отлынивали от совершенно неинтересной работы по оформлению своих замечаний в связный текст и тихо надеялись, что кто-либо другой (например, лингвисты) сделают за

¹ Можно считать, что в общей сложности замечания есть к 40% записей, помещенных в Своде. Но, вероятно, мы заметили не все. Поэтому для рецензентов Свод поистине неисчерпаем.

них эту неблагодарную работу. К сожалению, этим надеждам не суждено было сбыться.²

А теперь предлагаем читателям положить рядом с собой для наглядности Свод, так как приводить из него длинные цитаты – значит непомерно увеличить текст статьи, и начинаем.

Первое недоумение вызывает уже заглавие книги. Почему взяты только пергаменные рукописи XI-XIV вв.? Ведь русских бумажных кодексов этого времени немного, и их включение не слишком бы увеличило объем работы, но зато позволило охватить весь материал указанного периода.

Всего в Сводный каталог рукописей XIV в. войдет не более 24 древнерусских кодексов, написанных на бумаге [СК XIV: 16], при этом значительные в историческом и/или лингвистическом отношении записи писцов содержит едва ли десяток из них (пока с уверенностью можно говорить о четырех [ПС XI-XIV: № 555, 1217; Бобров 1991: 82-84, № 3; СК XIV: 475, № 324]. Без них, однако, Свод много потерял (см., например, терзающие душу записи русского писца-“филадельфа”, работавшего в конце XIV в. на Афоне [Турилов 2001: 434-436]). Впрочем, быть может, это и к лучшему, поскольку нет гарантий, что в рецензируемом Своде эти записи были бы хорошо изданы и откомментированы.

Но читателям не стоит обольщаться, что Свод охватывает весь корпус записей XI-XIV вв. и на пергаменных рукописях. Если не верите, то перечитайте название книги. Сформулировав его таким образом, Л.В.Столярова оградила себя от любого обвинения в неполноте представленного материала. Всегда в ответ на замечания можно сказать, что данная конкретная запись не пис-

² Нам известны только две рецензии на Свод [Лифшиц 2001; Кистерев 2001]. И авторы очень боятся, что слова одного из рецензентов могут оказаться пророческими: “Несомненно, что новый свод заменит в качестве пособия своих предшественников и будет способствовать исследованию многих вопросов древнерусской истории и в первую очередь – истории книжности” [Кистерев 2001: 204]. Если это случится, то эффект будет потрясающий!

ца, переплетчика или художника, а некоего неизвестного лица. При таком подходе в основу отбора материала положено авторское мнение (лучше сказать произвол), и каждая пропущенная запись не ошибка, а, как говорят юристы, “добросовестное заблуждение”. Включение же в Свод не принадлежащих всем перечисленным лицам “лишних” записей с легкостью можно квалифицировать так же.

Хотя место публикации Свода обозначено в выходных данных как “Москва”, авторы не могли избавиться от чувства, что этот труд подготовлен и издан в фольклорном Пошехоньи. Чем глубже они погружались в изучение Свода, тем более и более убеждались в том, что работа написана в отрыве от больших научных библиотек (столь существенны пробелы в хрестоматийной порой историографии), а главное – в абсолютной научной изоляции. Там, где составительница работала, нет ни Института русского языка, где можно, не полагаясь на собственные слабые познания, получить грамотную консультацию у специалистов, ни Археографической комиссии с ее группой Сводного каталога, где никогда и никому не отказывали в необходимых справках о рукописях.

В качестве рецензентов Свода указаны Б.М.Клосс и А.Л.Хорошкевич. Авторы настоящей рецензии льстят себя надеждой, что титульные рецензенты (в соответствии с устоявшейся традицией) книги все-таки не читали, во всяком случае внимательно. В противном случае на ум приходят и совсем уж грустные мысли³.

Дальнейший материал авторы решили изложить в следующем порядке. Сначала замечания к Археографическому введению Свода (подкрепленные примерами из текста), затем (по несколь-

³ Одному из авторов настоящей статьи Л.В.Столярова выражает в предисловии благодарность “за ценные замечания”. В реальности, однако, этот вклад ограничивается предоставлением ксерокопии снимка записи на Луцкой Псалтыри из одного зарубежного журнала.

ким тематическим группам) ошибки, чье появление объясняется одними и теми же причинами, наконец, замечания к записям в порядке их расположения в Своде.

Отбор материала. В начале Археографического введения утверждается: “В настоящем Своде в хронологической последовательности приводятся *все известные в настоящее время* (курсив наш – Л.М., А.Т.) надписи писцов, художников и переплетчиков XI-XIV вв. на древнерусских пергаменных кодексах” [Свод 2000: 3]. Возможно, данная фраза должна потрясти читателя, но выделенные слова заставляют задуматься – кому известные? Если бы составительница написала “нам” (т.е. ей) – не было бы вопросов. Но здесь претензия на всеобъемлющий охват материала. А это уже, как будет показано ниже, осознанное введение читателей в заблуждение.

Далее изложены принципы отбора материала [Свод 2000: 3], и здесь недоумения, вызванные еще названием книги, продолжают расти. Если “Надписи на миниатюрах и подписи к рисункам ... не несущие исторической информации, также (наряду с редакторской правкой – Л.М., А.Т.) в Свод не включены. Публикуются только те надписи и подписи, которые имеют самостоятельное историческое значение”⁴ [Там же], то зачем публиковать краткие (некоторые из двух-трех слогов) записи, большая часть которых может быть смело отнесена к пробам пера?⁵ Возможно, они несут какую-то историческую или лингвистическую информацию? Но в комментариях она не раскрыта,

⁴ Бедная запись № 52 (подпись “анг(е)ль” к изображению ангела) [Свод 2000: 59], которую отметили оба наши предшественника как нарушение правила самой составительницей [Кистерев 2001: 205; Лифшиц 2001: 96]. В указателе Свода упоминаются 9 подписей [Свод 2000: 514], С.Н. Кистерев считает 3 опубликованные в Своде записи (№ 51-53) подписями к рисункам [Кистерев 20001: 205].

⁵ К пробам пера при описании рукописей обычно относят и то, что в Своде именуется “Молитвенная запись писца с просьбой о божьей помощи” – фразы типа “Господи, помилуй”, “Господи, помози” и подобные им.

и тайная причина включения этих записей в Свод остается для читателя неясной. Какой смысл в приведении записей типа: “Пок...”, “Покоуша... а, в”, “Покуша..” и других, столь же информативных? Подобные записи составляют около 17% от общего числа включенных⁶. Такое изобилие опубликованных проб пера несомненно должно поддерживать в читателях Свода ощущение исключительной полноты и даже исчерпанности собранного материала. Но особенно хорошо многие из этих записей смотрятся на фоне комментария, который следует за текстом – “Публ. и иссл. отс.”, что в переводе на русский язык звучит – “Публикации и исследования отсутствуют”. Ну что ж, остается только ждать исследования этих записей!

Помимо проб пера в Своде есть и другие столь же информативные записи. Стоит, например, только посмотреть записи под № 319-323, 325, 327-328, 330, 332-333, чтобы убедиться, что это пометы писца для последующей рубрикации книги, и вопреки мнению составителя Свода они не повторяют заголовков [Свод 2000: 332], а во времени написания предшествуют ему, и не отмечал ими писец начало стихир [Свод 2000: 333], и не запись “приписана к заголовку” [Свод 2000: 334], а уж скорее наоборот.

Есть в Своде и курьезы: как записи помещены (и откомментированы!) номера тетрадей, которые писец написал как названия греческих букв (например, “алфа”) на нижнем поле листа [Свод 2000: 273-275, № 257-260]. Номером тетради является и запись № 421 [Свод 2000: 400]. В Параклитике она расположена на л. 97. Как видно из описания [Каталог ЦГАДА:

⁶ По самым скромным и непридирчивым подсчетам их никак не менее 87 из 514 - № 28, 43, 45, 56, 77, 92-94, 109, 110, 114, 124, 132, 141, 147, 159, 165, 173, 178, 214, 218, 223-225, 231, 257-261, 275, 319, 344, 348, 353, 355-357, 374, 375, 382-384, 394, 396, 398, 402, 407, 418, 420-427, 429-434, 439-441, 445, 446, 448, 450, 453, 457, 462, 463, 468, 481, 483, 489, 492, 493, 495, 496, 500, 504, 508, 512.

206-207, № 106], рукопись без утрат, и начало 13-й тетради должно приходиться как раз на 97 лист ($8 \times 12 = 96$). Поэтому зря составительница Свода читает эту запись как “г(оспод)і” и считает ее “незаконченной” [Свод 2000: 400], это вполне законченный номер 13.

Помимо этого есть записи (см., например № 96, 161), включение которых в Свод противоречит принципам, изложенным во введении. Так, “Моисей Киянин вряд ли был писцом какой-то из частей Триоди: его почерк не тождествен почерку ни одного из писцов осн. текста” [Свод 2000: 104]; “почерк Домида не идентифицируется с почерками писцов Апостола” [Свод 2000: 181].

17 опубликованных в Своде записей взяты из рукописей XV в.: № 450-451, 460-462, 469-470, 476, 480, 497-501, 511-513.

Приведенные примеры, возможно, кому-то покажутся легковесными. Поэтому поговорим серьезно и рассмотрим полноценные записи, содержащие историческую информацию и в большинстве уже опубликованные, но по непонятным причинам в Свод не включенные. Правда, среди них преобладают копийные, но принципам Свода это, как известно, не противоречит. Приведем их в хронологической последовательности.

1. 1051 г. Запись Илариона о поставлении его в митрополиты в Киеве. Сохранилась в копии последней трети XV в. [Син. 591: 203]. Открыта и впервые опубликована А.В.Горским в 1844 г., последняя публикация [БЛДР 1997: 60], фотовоспроизведение [Молдован 1984: 7]; библиография [Молдован 1984: 70; СККДР 1: 202-204].

2. 1061-1062 (или 1062-1063) г. Запись о написании Григорием Философом, пришедшем в Киев с митрополитом Георгием при князе Изяславе, цикла седмичных поучений. Сохранилась в копии третьей четверти XV в., в дополнениях к Торжественнику минейному и триодному [Чув. 1: 504 об.]. Опубликовано [Рыков

и др. 1984: 171; Рыков и др. 1987: 65]. Случай явно нестандартный - сведения сохранились в составе киноварного заголовка, включившего по всей видимости маргиналию архетипного списка (ср., впрочем: [Свод 2000: 439, № 506]).

3. Конец XII в. - нач. XIII в. Запись “а зло соу - мѹхѣ пакостѣть” в Псалтыри [Соф. 63.: 91], выполненная киноварью на нижнем поле. Опубликовано [СК XIV: 654].

4. XIII в. Запись о заплесневевшей ковриге в отрывке новгородской Миней служебной на январь [Финл. 14: 8 об.]. Опубликовано [Пергаменные рукописи БАН: 29].

5. Кон. XIII в. Молитвенная запись писца на галицко-волынском Евангелии апракос (Евангелие Верковича или Палимпсест Верковича) [Верк.: 153 г]. Опубликовано [СК XIV: 606; № д16].

6. Кон. XIII - нач. XIV в. Приписка писца о лихорадке (“трясее”) и чернецах к неизвестной рукописи [Срезн. 69]. Опубликовано [Пергаменные рукописи БАН: 67; СК XI-XIII: 361, № 468]⁷.

7. 1307 г. Запись Марка, монаха и пресвитера Лавры Богородицы о написании Пандектов Антиоха Черноризца [Льв. 48: 306]. Последнюю публикацию и библиографию см. [Запаско 1995: 248-250].

8. 21 мая 1321 г. Запись писца Федора о написании неизвестной книги в Коломые, при князьях Льве и Андрее Юрьевичах, содержащая последнее прижизненное упоминание этих галицко-волынских Рюриковичей. Сохранилась в копии третьей четверти XV в. [Яц.: 128]. Исследована и опубликована [Соболевский 1917].

9. Первая треть XIV в. Молитвенная запись писца в Апостол-

⁷ Л.В.Столярова, разумеется, может возразить, что это не запись писца, поскольку от кодекса сохранилось лишь нижнее поле одного листа с припиской.

Евангелии апракос [Увар. 379-4°: 17]. Опубликовано [СК XIV: 168, № 61].

10. Между 1328 и 1336 гг. Помянник с упоминанием новгородского архиепископа Давида и ростовского епископа Прохора, вшитый в Служебник [Яр. 15472: 62]; пересказ имен синодика (с произвольной атрибуцией большинства из них) [Вздорнов 1980. Каталог № 93]. Вопреки мнению Г.И.Вздорнова, относящего рукопись ко второй половине XIV в., ее бесспорно следует датировать второй четвертью этого столетия, при этом помянник написан несомненно писцом, хотя и гораздо более мелким почерком.

11. Сер.(?) XIV в. Запись Ивана, приписавшего “Канон и плач Богородицы” в Лаврашевском Евангелии [Лавраш.: 14 об.]. Опубликовано [Щапов 1976: 79].

12. 1370 г. Выходная запись писца Симеона на Минее служебной, октябрь [Соф. 189]. Опубликовано [Гранстрем 1953: 34].

13. Не позднее 1389 г. Проба пера с началом послания: “Господину князю великому Димитрию Ивано” (недописана) на поле отрывка Апостола апракос [Вильн. 16: 2 об.]. Опубликовано [Турилов 1997: 128; № 10; СК XIV: 155; № 51].

14. 1391-1392 г. Запись известного книжника инока Игнатия Смольнянина о написании им в монастыре Пантократора в Константинополе Требника для смоленского монастыря Спаса на Смядыни. Копия первой трети XVI в. [Пог. 312: 196 об.-197]. Опубликовано [Рукописи Погодина 1988: 223-224].

15-16. 1395 г. Две тайнописные записи писца Луки Смольнянина в Онежской псалтыри [Музейск. 4040: 72 об., 156 об.]. Отсутствие в Своде этих записей с указанием публикации и исследований [Лифшиц 2001: 97-98].

17-21. Втор. пол. XIV в. Пять записей писцов в волынском Евангелии апракос [Ковр.: 5, 48, 73 об., 84 об., 137 об.]. Последняя публикация: [СК XIV: 281, № 152].

22. Втор. пол. XIV в. Запись писца “Петра чернеца” в Еван-

гелии апракос [БОЗ 154: 7]. Опубликовано [Щапов 1976: 53].

23. Втор. пол. (кон.?) XIV в. Запись писца о начале переписки Апостола апракос [Увар. 317-1°: 1]. Опубликовано [СК XIV: 145, № 41].

24. 1400-1401 г. Запись писца в Евангелии апракос о построении церкви Успения в Друцке и о пожаловании ей местным князем Василием Михайловичем и его княгиней Василисой десятины на содержание [Тих. 1: 188 в-г]. Опубликовано [Тихомиров 1968: 9-11 (с ошибкой в дате); СК XIV: 330-331; № 187].

Помимо этого перечня можно указать еще ряд рукописей, содержащих краткие записи писцов, ничем не уступающие опубликованным в Своде. Таковы, например, записи в Канонах Триодей первой половины XIV в. [Волог. 241: 130; СК XIV: 505, № 350], Евангелиях апракос последней четверти XIV в. [F 8: 100; СК XIV: 311, № 175] и рубежа XIV-XV вв. [Увар. 269-1°: 85; СК XIV: 334, № 190], “Первом Евангелии преп. Никона Радонежского” [Ризн. 6: 161, 194 об.; СК XIV: 451, № 303], Ирмологии рубежа XIV-XV вв. [Тр. 19: 153 об.; СК XIV: 498, № 340]. При этом следует иметь в виду, что СК XIV отнюдь не претендует на полноту фиксации подобных записей, нередко ограничиваясь указанием на пробы пера.

Так как многие записи, не вошедшие в Свод, опубликованы не позднее конца 1980-х гг. (а большинство существенно раньше), это (наряду с многочисленными другими примерами) наглядно свидетельствует, что составительница не углублялась особенно далеко в дебри библиографии и не проводила фронтального просмотра рукописей.

Для создания картины исчерпанности публикуемого материала в Свод включен ряд поддельных записей на древнерусских пергаменных рукописях (№ 7, 305, 367, 369). Отчасти в этом видится и нетворческое следование приемам и требованиям актовой археографии, от которой составительница упорно танцует как от печки, игнорируя специфику источников. Но и в

актовой археографии сомнительные и подложные документы публикуются и исследуются отдельно от подлинных, а не в общем ряду, как это сделано в Своде. Разница между подложными актами и записями состоит в том, что первые начали изготавливаться достаточно рано – в восточнославянском регионе во всяком случае не позднее XVI в. – и в качестве источников для них порой действительно использовались весьма древние документы, в подлиннике до нас не дошедшие. С записями дело обстоит иначе. Если не считать официально-полюемических фальсификатов петровской эпохи (Соборное деяние на еретика Мартина, Феогностов требник), практика которых не получила позднее развития, все они, независимо от целей создания, принадлежат времени не ранее первой четверти XIX в. и никаких недошедших в оригинале памятников не отражают. Они безусловно составляют важный источник по истории исторических и палеографических представлений своего времени (и с этой точки зрения Л.В.Столяровой никак не откомментированы), однако к теме рецензируемой работы совершенно не относятся.

Абсолютно непонятен принцип отбора подложных записей, включенных в Свод, поскольку составительница проигнорировала целый ряд классических по сути примеров, связанных с неустанными трудами таких “творцов истории” в первой половине XIX в. как А.И.Бардин и А.И. Сулакадзев. Если применительно к записям с датами 1050 и 1051 г., сделанным последним на Уставе церковном Иерусалимском (“Вселетник” или “Уставник” по терминологии владельца) начала XV в. [Музейск. 3496; Вздорнов 1980. Каталог № 87] отказ от публикации можно объяснить датой рукописи (хотя чем подложная запись хуже на кодексе XV в., чем на кодексе XIV в., если они равно необоснованно претендуют на датировку XI в., совершенно непонятно), то в отношении его же творений на отрывке Слов Григория Богослова XIV в. [Тих. Р-8; Тихомиров 1968: 16, 18] и в так называемом Служебнике князя Владимира

[Поздеева, Лифшиц 2000: 68-70; здесь же предшествующая библиография], новгородской рукописи второй половины XIV в., хранящейся ныне в Нью-Йоркской Публичной библиотеке, но известной отечественным исследователям с 1840-х гг. [Сперанский 1928: 181-184], причину следует усматривать скорее всего в неведении составительницы. Конечно, можно было бы предположить, что Л.В.Столярова отбирает для публикации подделки по принципу их неатрибутированности конкретным фальсификаторам, но подобное правило – как, впрочем, и многое другое – нигде ею не оговорено. И уж совсем непонятно отсутствие в корпусе “матери русских подделок”, если так можно выразиться – так называемого Требника митрополита Феогноста [Син. 674], изготовленного в начале XVIII в. для обоснования позиций официальной Церкви в полемике со старообрядцами [Дружинин 1923; Дружинин 1926] и снабженного записью писца с датой 1329 г. [Горский, Невоструев 1917: 499, № 574]. Однако самая большая неприятность для читателей Свода состоит, пожалуй, в том, что две подложные записи опубликованы в нем как подлинные (№ 70, 150).

Теперь перейдем к разбору **Заголовка**, который состоит из 6 элементов [Свод 2000: 3].

Дата. Здесь можно отметить только излишнюю приверженность составительницы к ультрамартовскому стилю, которая иногда ее подводит. Но поскольку каждую конкретную ошибку надо разбирать отдельно, об этом сказано ниже.

*Определение разновидности надписи*⁸ и остальные элементы заголовка. Как выяснили авторы в разговорах с коллегами, на эти весьма важные для составительницы Свода элемен-

⁸ Необходимо отметить, что слова “запись” и “надпись” употребляются в Своде как синонимы.

ты⁹ обращают внимание немногие. Обычно читателя интересует сам текст записи, а его “классификация” и пересказ не столь важны. Поэтому многие не смогли в полной мере оценить текст записи по контрасту с его изложением. “Краткое содержание надписи” излагается на канцелярите с большой долей прямолинейности, полным отсутствием юмора и чувства материала. Совершенно очевидно, что за основу были взяты правила описания (составления заголовков) актового материала. Вероятно, иногда применение исследователями приемов смежных областей приносит свои плоды, но не в данном конкретном случае. Если при изложении больших выходных записей писца погрешности стиля не столь заметны (выходная запись зачастую более официальна по форме), то “краткое содержание” некоторых “эмоциональных” и “дневниковых” (по терминологии Л.В.Столяровой) записей могут вызвать в лучшем случае улыбку¹⁰. Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров.

№ 60. “Дневниковая запись писца Матфея о наступлении темноты – **Жже тма**” [Свод 2000: 63].

№ 84. “Эмоциональная запись писца Офрема с самопожеланием не лениться – **Тако, Вфреме, грѣшьнице, не лѣнисл**” [Свод 2000: 97].

№ 95. “Дидактическая запись писца с требованием писать

⁹ Составительнице свода принадлежит заслуга в деле классификации записей [Столярова 1998]. Но это “know-how” не выглядит столь уж бесспорным: так, С.Н.Кистерев мягко замечает: “Необходимость придания каждой надписи особого заголовка иной раз выглядит в “Своде” весьма спорной” [Кистерев 2001: 207].

¹⁰ Контраст между языком записей и сопровождающими их заголовками таков, что поневоле вспоминается следующий перевод: “Предок по женской линии хищного четвероногого млекопитающего, подвергнутый воздействию части двухосного колесного экипажа в рамках религиозного обряда, сущность которого состоит...” (С.Лем. Вторжение с Альдебарана).

быстро (“скоро”) – **Пиши скоро**” [Свод 2000: 103].

№ 156. “Дневниковая запись писца о наступлении темного времени суток – **Тьмно**” [Свод 2000: 178].

№ 221. “Дневниковая запись писца о том, что ему тошно – **Ухъ, тошно**” [Свод 2000: 225].

№ 295. “Дневниковая запись писца о кожном зуде – **О, горе: свербитъ**” [Свод 2000: 304]. Но практически аналогичная запись № 299 переведена на “русский” язык немного иначе: “Дневниковая запись писца о свербящей коже – **Оухъ, свербитъ**” [Свод 2000: 307]. Возникает правомерный вопрос: а что, кроме кожи ничего у писца свербеть не могло?

Принципы передачи текста. Автор утверждает, что “Текст записей передается в орфографии подлинника” [Свод 2000: 4]. Но после этого пишет: “Буквенная цифирь в тексте надписей заменяется арабскими цифрами. Титла раскрываются, а буквы, восстановленные при раскрытии аббревиатур, помещаются в круглых скобках... Титла не воспроизводятся. Опускаются также диакритические и другие надстрочные знаки, а также знаки препинания, имеющиеся в надписи” [Свод 2000: 5]. Да разве можно назвать подобное воспроизведение “орфографией подлинника”?

После публикации записи следует легенда, состоящая из 4 пунктов [Свод 2000: 6-7]. И здесь очень бы хотелось видеть в первом пункте не только шифр рукописи, но и ее название. В своде название кодекса не является необходимым элементом ни заголовка, ни легенды, а только упоминается (в библиографии и/или комментарии). Нам представляется, что название рукописи – одна из важнейших ее характеристик, и не упоминать ее или относить так далеко от датировки и шифра нелепо¹¹.

¹¹ Это же отмечает и С.Н.Кистерев: “Например, записи № 1-4... остаются безадресными, поскольку ни в присвоенных каждой из них заголовках, ни в сопроводительных комментариях никак не названа та рукопись, в составе которой они читаются” [Кистерев 2001: 208].

Много места в Археографическом введении отдано принципам описания **“физических и химических повреждений текста”**. Причем первый раз эти принципы изложены явно не к месту, поскольку до этого пункта (а о них говорится по порядку) просто речь не дошла¹², а второй – там, где раскрывается содержание этого пункта, следующего после пункта **“Разночтения”** [Свод 2000: 7-8]. Эта нелогичность изложения привела к тому, что часть текста введения дублируется, причем в “нужном” месте материал изложен не столь подробно. Здесь надо отметить, что на эти самые “физические и химические повреждения текста”, которые для отдельных записей достигают двух-двух с половиной страниц наборного текста (так!; см., например: [Свод 2000: 151-153, 373-375]) читатели практически не обращают внимание (авторы специально спрашивали). Во-первых, исследователю совершенно неинтересно знать, что “Нижняя часть нъ слегка надорвана” [Свод 2000: 63; № 59] (оставляем на суд читателей приведенную формулировку); “Середина петли а слегка затерта” [Свод 2000: 303, № 292]; “М как будто слегка затерта” [Свод 2000: 350, № 347] – ему нужно, чтобы запись была прочитана и воспроизведена правильно, а, во-вторых, очень трудно иногда прорваться через нагромождение сокращений: “**О** испр. из дрб. (е?) тжп. и тжч.” [Свод 2000: 6; пример выбран для введения самой Л.В. Столяровой]; “последняя и испр. из дрб.(?) тжп. и тжч.” [Свод 2000: 303, № 292]; “и подпр. или нап. по смытому схп. и схч. ...**М** подпр. дрп. и дрч.; вын. т полустерта и практически не чит.” [Свод 2000: 137, № 118]¹³.

Теперь перейдем к ошибкам и шероховатостям, присутствие которых в Своде объясняется разными (но общими) причинами.

¹² О палеографических примечаниях говорится сразу после определения принципов передачи текста [Свод 2000: 6].

¹³ Буква или слог, открывающие примечание, даются прописной (с прописной) независимо от их написания в записи.

Желание потрясти публику фундаментальнейшим Сводом привело к тому, что книге присуща **многозначительность и псевдоэнциклопедичность**.

В аннотации на обороте титула сказано: “Для историков, филологов, специалистов в области источниковедения и специальных исторических дисциплин”. Но в этом есть сильные сомнения. Одно из двух: или автор очень невысокого мнения о “специалистах”, или адресует книгу не им. С одной стороны, непреодолимое желание комментировать и объяснять очевидное¹⁴ можно оправдать долгой практикой преподавания. С другой, подробный комментарий (часто излишний, а в некоторых случаях – и это показано ниже – неверный) нужен для придания Своду роли всеобъемлющего справочника.

Вот примеры.

№ 5. Комментируются слова **“На оутѣшенье многамъ дѹшамъ крестіаньскамъ”**, объясняется значение слов “крестіанъ”, “крестьянъ” и делается следующее глубокомысленное замечание: “В выходной записи Остромирова евангелия, скорее всего, формулируется высокая цель переписки этого кодекса – церковный вклад” [Свод 2000: 16].

№ 16. Объясняется, что такое заставка [Свод 2000: 35].

Еще во введении нам встретился очень научный термин – “духовные корпорации”¹⁵: “Имена собственные (личные имена, прозвища.... названия духовных корпораций) пишутся с прописной буквы” [Свод 2000: 5]. Смысл его выяснился при прочтении книги: так назван Софийский собор в Новгороде

¹⁴ “Дорога, по обеим сторонам которой тянутся канавы, называется шоссе. Да-с, господа. Знаете ли вы, что такое канава? Канава – это выкопанное значительным числом рабочих углубление. Да-с. Копают канавы при помощи кирок. Известно ли вам, что такое кирка?” (Я.Гашик. Похождения бравого солдата Швейка).

¹⁵ Больше всего он напоминает эвфемизм советского времени, призванный заменить одиозные слова “церковь” или “монастырь”.

[Свод 2000: 16, №5], Лазаревский монастырь во Пскове определен как духовная корпорация, посвященная празднику Воскрешения Лазаря Четырехдневного [Свод 2000: 34, № 15].

№ 136. Приведены “биографически справки” о Савве Освященном [Свод 2000: 166]; в № 140 о прор. Исае [Свод 2000: 167]; в № 137 объясняется, что такое “круг солнца” [Свод 2000: 166].

№ 176. Что дает такой комментарий: “как и указано в записи, Успение Богоматери празднуется 15 августа” [Свод 2000: 176].

№ 169. Подробно объясняется, что такое Триодь постная и цветная, но сразу можно сказать, что с составом древней Триоди автор не знакома, а переписала текст из какого-то справочника. Иначе как могло родиться следующее утверждение: “В Триоди постной представлены изменяемые молитвословия, которые читаются до поста и во дни св. Четырдесятницы (т.е. с недели мытаря и фарисея *до страстной недели*) (курсив наш – Л.М., А.Т.). Содержит 20 песнопений (всего?! – Л.М., А.Т.) покаянного содержания... В Триодь цветную входят молитвословия, употребляемые от первого дня Пасхи (курсив наш – Л.М., А.Т.) до недели всех святых. Песнопения Триоди цветной делятся на гласы (а в Триоди постной их нет? – Л.М., А.Т.), большинство из которых составлено (курсив наш – Л.М., А.Т.) Иоанном Дамаскином” [Свод 2000: 191]. Так и хочется сказать составительнице, что уж если она взялась говорить о древнерусской рукописной книжности, то следовало бы для начала ознакомиться хотя бы с методическими пособиями, чтобы избежать подобных ошибок. Ведь состав Триоди очень доходчиво и просто изложен в настольной книге любого, занимающегося описанием рукописей [Момина 1976: 389-419].

№ 177. Непременно надо добавить научности в комментарий к тексту: “... яко то обедню отпели...” и просветить читателя, сообщив ему, что “солнечное затмение произошло сразу после обедни (литургии) – главного христианского богослужения, на

котором совершается таинство евхаристии” [Свод 2000: 197].

№ 208. Л.В.Столярова считает, что заутреня, на которую собрался пойти писец, – “утреннее богослужение, состоящее из трех служб: полунощницы, утрени и 1-го часа” [Свод 2000: 219]. Далее она не может удержаться и не просветить читателя, рассказав ему, каким событиям посвящены эти службы. Более того, она повторяет часть этого комментария и к записи № 304 [Свод 2000: 312]. К сожалению, комментарий составительницы опять неверен. Согласно Студийскому уставу (для XIV в. речь может идти только о нем) полунощница совершалась по кельям, а не в храме (сообщение А.М.Пентковского).

№ 239. Более 1 страницы текста отведено рассказу о днях памяти святых с именем Анания [Свод 2000: 248-249]. Но смысл столь долгих рассуждений неясен, так как никакого вывода из этого Л.В.Столярова не делает. Возможно, цель подобных экскурсов – придать книге вид фундированного исследования. Недаром в комментариях объясняется, кто такие апп. Петр и Павел, Иоанн Богослов, Фома, Андрей; царь Константин, имп. Юстиниан и Мануил [Свод 2000: 256-257]. Попутно и Кормчая характеризуется как сборник “памятников христианского и византийского (курсив наш – Л.М., А.Т.) церковного права” [Свод 2000: 257]. Я.Н.Щапов, определяет Кормчую как сборник “канонических и юридических памятников устойчивого состава”, к памятникам церковного права относит “круг памятников, посвященных регулированию деятельности церкви, как светского, так и церковного (канонического) происхождения”, а юридические памятники определяет как содержащие “нормы светского (уголовного, гражданского, государственного) права” [Щапов 1973: 264, 262]¹⁶. Таким образом, Л.В.Столярова в данном ей определении исключает из состава Кормчей этот обширный блок (следовательно и Русскую правду, и Уставы).

¹⁶ Авторы специально цитируют определение по такому “элементарному” для каждого рукописника пособию.

№ 248. Как хорошо, что в записи писца упомянут архангел Вревил [Свод 2000: 267]! Это дало возможность составительнице перечислить имена (не забыв указать их значения) не только пяти архангелов, но и трех “причисленных” к ним [Там же]. Как жаль, что книга “Отреченное чтение” вышла только в прошлом году! Она позволила бы расширить комментарий, указав, что в фольклоре известны также ангелы Воротил, Посмотрил, Пострелил, Разуил, Иоил, Памаил, Афонаил, Равуил, и, самое главное, упомянутый писцом Вревил [Отреченное чтение: 45, 46, прим. 79]. Кстати, поминать ангела Вревила полагалось “Егда поидеши на поле дела делати” [Там же]. Вполне в духе составительницы Свода было бы высказать предположение, что писец собирался бросить писать книгу и идти на поле. А затем добавить что-нибудь о его тяжелой жизни, поскольку он принужден был совмещать сельскохозяйственные работы с перепиской книг.

№ 270. Вдруг в середине книги Л.В.Столярова вспомнила, что не откомментировала слово “аминь” (которое есть и раньше, см., например № 6, 9 и др.) и поспешила исправить ошибку. Знайте, читатели! Только вот почему это “слово-скрепа” [Свод 2000: 281]?

№ 297. Вывод “Именно из дома, вероятно, поп Савва отправлялся на службу” [Свод 2000: 306] поистине глубок.

№ 304. Составительница дотошно на полстранице текста перечисляет разные “Мхи”, существовавшие в окрестностях Пскова [Свод 2000: 312-313]. Но все это сделано для того, чтобы в конце написать: “Имели ли отношение ко “Мху” записи Саввы упомянутые позднейшие географические названия – неясно” [Свод 2000: 313]. Надо сказать, что здесь Л.В.Столярова упустила свой шанс: отождествление с одним из Мхов дало бы его самое раннее упоминание в источниках (а это уже некоторое открытие). Кстати и в комментарии к записи № 306 [Свод 2000: 317] недоработка: почему читателю не объяснили, что такое Слу-

жебник? Ах, вот почему. Это объясняется в № 317 [Свод 2000: 330].

Вероятно Вы, дорогие читатели, специалисты в области источниковедения, не знали, кто такие Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанна Златоуст? Теперь ответ на этот вопрос можно найти в Своде [Свод 2000: 331].

№ 350. Заодно вам рассказали, что такое Октоих [Свод 2000: 354]. Закрадывается крамольная мысль, что подобные комментарии появились как следствие потрясения тем фактом, что изучаемые записи помещены не просто на полях, а на Октоихах, Триодях, Евангелиях и др., которые имеют совершенно разный состав и назначение.

В комментариях часто встречается удивительная **прямолинейность трактовок**.

№ 51. “Подпись писца(?) к рисунку отдыхающего работника – Дѣлатель троудиса” [Свод 2000: 56] трактуется как “образец древнерусского юмора: трудящимся назван “делатель”, лениво прохлаждающийся на пригорке” [Свод 2000: 57]. Какой юмор здесь можно увидеть, если сама Л.В.Столярова правильно переводит слово “Дѣлатель” как “работник? Мы бы предложили следующее определение разновидности записи: “Инвокативно-побудительная запись писца(?), обращенная к персонажу, изображенному на рисунке, с призывом прервать отдых и взяться за работу”.

№ 180. “Запись носит явно выраженный шутовской характер. Вероятно, монотонность книгописных работ заставила писца *вспомнить о своем жизнелюбии* (курсив наш – Л.М., А.Т.) и попросить в молитве долгих лет для себя и веселого пиршества” [Свод 2000: 199]. Ну что тут сказать? О жизнелюбии “вспомнить” нельзя: или оно есть, или его нет. О насчет “веселого пиршества”, так и это под вопросом: писец просит дать ему “пива сего напитиса”. И мы категорически против такой прямолинейной трактовки его слов. Ведь есть словосочетание “пиво животное”,

и все словари дают, помимо распространенного сейчас, несколько значений слова “пиво”: “питье, напиток; напиток переносном смысле, благодать; поток, струя”; “то, что пьют питье, напиток; тж. перен.” [см.: Срезневский 1989 II: 930-931; Словарь XI-XVII 15: 44; Словарь XI-XIV VI: 390]. Не исключено что любя пиво как хмельной напиток, писец играет на разных значениях этого слова, отчего запись приобретает более глубокий и не столь однозначный смысл.

№ 208. Желание писца пойти на заутреню воспринимается как свидетельство “о намерении писца прервать свою работу и отправиться на богослужение” [Свод 2000: 219]. То есть желание и его осуществление не мыслятся разделенными каким-либо временным отрезком: захотел – написал – пошел. Разве не могло это пожелание относиться к завтрашнему дню? По мнению составителя Свода – нет, и только по одной причине: ведь исходя из этого можно сделать вывод, что запись “косвенно свидетельствует о том, что Козьма переписывал Пролог в ночное время” [Там же].

№ 297. “Чресь тынь пьют, а нас не зовутъ... – писец выражает обиду: через забор от него (“Чресь тынь”) присходит (так в Своде – Л.М., А.Т.) пьяное застолье, а он вынужден только с завистью смотреть на него со стороны, поскольку его не пригласили” [Свод 2000: 306]. Как объяснить уважаемой составительнице, что и этот текст нельзя трактовать буквально.

№ 289-299. Просто перечитайте комментарии.

№ 358. Из того, что писец переписал рукопись в одной из обителей Константинополя, делается вывод, что он *обучался* в скриптории этого монастыря [Свод 2000: 360].

№ 405. Отмечено, что “запись содержит уникальное свидетельство писца о болях в спине – вероятно, роде профессионального заболевания” [Свод 2000: 395]. Можно только позавидовать здоровью составительницы: вероятно, у нее даже он многочасового сидения за компьютером никогда не уставала

(и не болела) спина.

№ 408. Здесь составительница выступает в роли придирчивой жены, тщательно подсчитывающей, что писец пил “не менее трех раз в месяц” [Свод 2000: 396]. Конечно, праздники были не такими уж редкими, а если учесть, что пили скорее всего брагу или мед (напитки тяжелые), то похмельного писца следовало бы пожалеть. А кстати, почему нам не напомнили, что “веселие Руси есть питие”?

В Своде неоднократно говорится о **тяжелой жизни** бесправных писцов.

Л.В.Столярова, вероятно, слишком серьезно относилась в курсу марксизма-ленинизма и во время обучения сумела впитать в себя представление о тяжелом проклятом прошлом и эксплуатации подневольных работников пера, так как ничем иным нельзя объяснить некоторые комментарии, в которых говорится об ужасающих условиях работы книгописцев.

№ 171. Стоило ли цитировать смехотворно обоснованное мнение Н.Н.Розова о том, что книгописец работал тяжело больным [Свод 2000: 193]. А уж подтверждать это предположение тем, что писец и в других записях просит Бога дать ему здоровье, еще более нелепо. Следует ли из любого пожелания здоровья какому-либо человеку вывод о его “тяжелой и продолжительной болезни”? Так значит поминают за здравие только больных?

№ 183. Развитие этой же темы есть в комментарии к записи о скорбном животом Луке. Л.В.Столярова пишет: “...мы полагаем еще одним косвенным свидетельством того, что нездоровье писца не являлось в Древней Руси основанием для его неучастия в книгописных работах” [Свод 2000: 202]. Глубокоуважаемая составительница, знаете ли вы, что может вызвать грубая постная пища (бобовые, пареная репа, редька, квас, даже черный хлеб и квашеная капуста)? Поэтому реакция организма Луки (“...повьзди... навониле мъ издвѣ”) совершенно

естественна и свидетельствует не о болезни, а о сильном приступе метеоризма.

№ 193. Здесь опять утверждается, что запись писца с просьбой дать здоровье “косвенно подтверждает предположение Розова о нездоровье Козьмы” [Свод 2000: 208]. Неужели глубоководная составительница не разу не провозглашала тост “за здоровье всех присутствующих”? Или его произносят только лежащие на одре болезни?

№ 249. Труд писца был тяжел еще и потому, что “писцу приходилось работать негодным инструментарием, а именно – плохо очиненным пером” [Свод 2000: 249]. Этот вывод сделан на основании записи писца: “**Погибѣль перья сего**” [Там же]. Что в этих словах могло навести на подобную мысль? Ведь это просто поминальная запись о смерти любимого пера!¹⁷

№ 251. Почему желание и возможность пойти ужинать свидетельствует не только “о работе древнерусских писцов в вечернее и ночное время”, но и “о довольно низком уровне организации книгописания в Древней Руси” [Свод 2000: 270]?

№ 269. “...жалобы на негодное перо, которым неудобно писать, весьма частые в записях XIV в., свидетельствуют о низком уровне организации труда древнерусских книгописных мастеров” [Свод 2000: 281]. Вероятно, читатели Свода после этого должны преисполниться жалости к писцам и разгореться душой на тех, кто организовывал этот труд. Да подобные записи свидетельствуют только о плохих перьях! И часто в этом виноват сам писец: плохо очинил. Но, с другой стороны, из свидетельств о плохих перьях можно было сделать и еще один вывод: птица тоже была больна, и с паршивого гуся можно было взять только такое же перо.

¹⁷ “**Погибѣль**” – уничтожение, разрушение; гибель, смерть” [Словарь XI-XIV VI: 505].

№ 296. Ну, болезнь писца – это общее место в Своде. (Кстати, совершенно неожиданное развитие тема здоровья получила в комментарии к записи № 269 – см. ниже). Но как упрек (социальному строю?) звучат и слова: “древнерусские писцы не всегда ... имели возможность отвлекаться во время книгописания для каких-то иных дел (приема пищи, сна, посещения бани и т.д.)” [Свод 2000: 305]. Интересно, а кто во время, например, лекции может отвлекаться для посещения бани или приема пищи?

№ 329. Указание времени “**въ 1 час ночи**”, подтверждает, по мнению составительницы, “факт работы Епифана в ночное (видимо, свободное от иных обязанностей) время” [Свод 2000: 337]. Не все так драматично. Если учесть, что “ночь” начиналась с захода солнца, то 21 сентября это был, по привычным нам меркам, только вечер.

№ 331. И здесь “1 час ночи” фигурирует как “свидетельство о работе писца поздним вечером или ночью – признак низкой организации его труда” [Свод 2000: 339].

Составительница не всегда в ладах не только с **церковнославянским языком, но и с современным русским**¹⁸. Вот примеры.

№ 7. “...ценность кодекса в глазах такого жадного собирателя, каким был Толстой” [Свод 2000: 19].

№ 9. Некоторая фантазийность присутствует в примечаниях, когда составительница говорит о повреждении той или иной части букв. Так, например: “1 Черн. внизу палки р облетели”

¹⁸ На непоследовательную передачу текста, неправильные прочтения и т.п. обращает внимание и С.Н.Кистерев [Кистерев 2001: 206-207]. Но один приведенный им пример неверного словоделения в Своде авторов потряс (сами они этого не заметили): “оху ли ти” [Свод 2000: 149] вместо “охулити” [Кистерев 2001: 207]. Вообще-то, если писать с ошибкой, то лучше с пробелами после первой и пятой букв.

[Свод 2000: 22]. Или в № 65: “3 Правая сторона перекладина м полусмыта” [Свод 2000: 68]. Долго придется искать и хвост “Ъ”, о котором упоминается в № 211 [Свод 2000: 221].

№ 71. “До урезания полей, он (формат книги – Л.М., А.Т.), по видимому, составлял не более 19 x 26 см” [Свод 2000: 79]. Сразу вспоминается фраза из “Мастера и Маргариты” М.А.Булгакова “Маэстро, урежьте марш!”. Но помимо этого надо отметить, что и формат книги Л.В.Столярова приводит не так, как принято при описании книг (высота на ширину), а так, как это делается при описании актового материала (ширина на высоту).

№ 82-85. Записи “с самопожеланием” [Свод 2000: 95-97]. На наш взгляд, подобный термин выглядит коряво. Кстати, в комментарии к записи № 85 отмечено: “Над дне титло” [Свод 2000: 97]. Совершенно правильно, что стоит титло. Надо было при приведении записи “восстановить” букву.

№ 86. “Написана (запись – Л.М., А.Т.) к пропущенной тропари второй песни (курсив наш – Л.М., А.Т.), которую писец поместил на л.26” [Свод 2000: 98]. Вообще-то составительница иногда правильно считает, что слово “тропарь” мужского рода (ср.: “под тропарем” [Свод 2000:179]). Возможно, сначала она хотела сказать просто о пропущенной второй песни, потом предпочла употребить красивое слово “тропари” (ведь в песне их несколько), но забыла согласовать добавление с уже имеющимся текстом.

№ 107. Так отчего дрожат у писцов руки: с похмелья, в похмельи или после похмелья? Составительница предлагает следующие варианты: “...Георгий попытался *распробовать* (курсив наш – Л.М., А.Т.) свои дрожащие в похмельи руки” [Свод 2000: 124]; “Перед тем как начать работу, писец попытался распробовать свои дрожащие *после* (курсив наш – Л.М., А.Т.) похмелья руки” [Свод 2001: 163]. Вероятно, именно состояние похмелья рождает у писца неординарное желание “распро-

бовать” свои руки.

№ 171. Имя бессеребренника Дамиана в комментариях имеет форму “Дамьян” или “Дамиян” [Свод 2000: 192-194]. Так же и в комментарии к № 248 [Свод 2000: 268].

№ 193. Почему слово “убожие”, являющееся обращением (в звательном падеже), переводится как нищета, бедность и нужда [Свод 2000: 207]? Стоит ли после такого перевода высказывать предположение, что “слово “убожие” употреблено Козьмой в собирательном значении “нищие”, “убогие” [Там же].

№ 210. А есть ли в русском языке слово “ткайся” [Свод 2000: 220], которым переведено слово “тычь”?

№ 240. Имя “Явила” соседствует с написанием “Евила” [Свод 2000: 258], а новгородский архиеп. Василий Калика назван “Калекой” [Свод 2000: 259]. С этим же скаредным прозвищем он упоминается и далее [Свод 2000: 263-264, 355].

№ 245. “...писец обращается к св. Пантелеймону – патрону псковского Пантелеймонова монастыря на Красном дворе, будущего владельца Ирмология” [Свод 2000: 265]. Вероятно, здесь лучше было употребить другой оборот.

№ 248. Словосочетание “безмездные врачи” [Свод 2000: 268] полностью оставляем на суд читателей.

№ 265. Вряд ли стоит “восстанавливать аббревиатуру”, согласуя расшифровку “вчерашнюю” со словом “суббота” [Свод 2000: 277], вероятно, имеется в виду “вчерашнее чтение”.

№ 273. Конечно, следует приветствовать (особенно сейчас) желание заменить иностранное слово русским эквивалентом, но “поддельщик” вместо “фальсификатор” – не самый подходящий случай [Свод 2000: 284-285, 475].

№ 284. Книга написана “в утешение и в спасение верным” [Свод 2000: 296], что по мнению составительницы можно расшифровать как “монастырскому клиросу (курсив наш – Л.М., А.Т.) и пастве” [Там же]. Ну и повезло клиросу! Здесь же слово

“преписал” переводится как “случайное дополнение” только потому, что до этого писец говорит о возможной ошибке “не дописал”.

№ 315-316. Имя писца дается в двух вариантах: Порфирий и Перфирий [Свод 2000: 329].

№ 321. Слово “зач” с выностым “ч” расшифровывается как “зачало”, в результате на 23 сентября приходится “зач(а)ло о(а)гнос Ио(анна) Пр(ед)т(е)ч(и)” [Свод 2000: 332], вместе “зачатия”.

№ 359. Со ссылкой на Месяцеслов сказано, что “29 октября отмечается память преподобномуч. Анастасия Римлянина” [Свод 2000: 360-361]. Но Анастасия Римлянина – почитаемая святая (римлянка).

№ 360. “Дидактическая запись писца с требованием(?) не свариться(?) – “Не свар[ис]а” [Свод 2000: 361]. Вероятно, в определении разновидности записи следовало бы отказаться от слова “свариться”, имеющего в современном языке (в отличие от слова “свара”) совершенно иное значение. Или Л.В.Столярова написала именно так, как поняла?

№ 362. Пунктуация записи, предложенная составительницей, неверна. Должно быть: “писати право”, а не “писати. Право” [Свод 2000: 362].

№ 369. Пользуясь стилем составительницы, “комичным выглядит” ее последний комментарий к этой подложной записи: “Рекло” очевидно, должно означать здесь существительное “повеление” [Свод 2000: 372]. Хотя слова “по реклу Истоми Нижегородца” служат, естественно, указанием на мирское имя писца – “многогрешна в калуґерехъ Ионы, по реклу Истоми”.

№ 378. Запись правильно названа цитатой из Псалтыри [Свод 2000: 379], но при этом, вероятно, текст дан с ошибкой: “гүвителине себе” вместо “гүвители не себе”.

№ 379. “Самоопределение писца” в комментарии дается в том же падеже, что и в записи – “Владычю” [Свод 2000: 380]. Разве

не следовало дать его здесь в именительном падеже?

№ 436. Пунктуация неверна: слова “в везаконьи зач(а)ты” не должны разделяться запятой [Свод 2000: 404].

№ 438. Составительница считает, что греческий текст в записи “передан русскими буквами с большими искажениями; перевод его также неточен” [Свод 2000: 406]. К сожалению, именно в таком переводе молитва была распространена на Руси, и писец ничего от себя не добавил и не убавил.

№ 485. То, что добавлено в скобках по смыслу, представляется неверным: более вероятно, что после имени содержалось отчество “Левон[вичу]”, а не “Левон[тию]” [Свод 2000: 429].

В Своде заметно слишком частое **употребление словосочетаний “как будто”, “как кажется” и других, обозначающих сомнения составителя**. Особенно много слов “чит. неуверенно” (и подобных им) в примечаниях к записям, в комментариях же регулярно употребляется в качестве аргументации конструкция “как будто”.

№ 29. Вся аргументация передатировки записи, которая в Каталоге рукописей ЦГАДА XI-XIV вв. датирована XII-XIII в., и атрибуции ее (правда, со знаком вопроса) писцу рукописи Домке обосновывается следующими словами: “Запись сделана почерком, *как будто схожим* (курсив наш – Л.М., А.Т) с почерком II писца Минеи служ. на сентябрь Домки, схожими чернилами, но более мелко” [Свод 2000: 46].

Вообще, отождествление почерка записи с почерком писца и, следовательно, аргументация включения записи в Свод часто сделана следующим образом.

№ 144. “Запись сделана почерком, как будто схожим с почерком одного из писцов Пандектов Никона Черногорца, схожими чернилами” [Свод 2000: 169]. Так и хочется спросить: “как будто” или “схожим”? Подобные обороты есть и далее.

№ 280. “Запись сделана почерком, как будто схожим с почерком писца” [Свод 2000, 291].

№ 355. “Запись сделана почерком, весьма схожим с почерком писца осн. текста” [Свод 2000: 358].

№ 358. “Запись сделана почерком, схожим с почерком писца осн. текста” [Свод 2000: 359].

Но еще лучше следующее – № 168. “Из записи как будто следует, что вкладчик был сыном писца кодекса” [Свод 2000: 189].

Для выяснения “составительского” метода работы над Сводом авторы настоящей рецензии решили посмотреть, как использован Каталог ЦГАДА. Выбор именно этого издания объясняется тремя причинами: во-первых, один из авторов является его составителем и, во-вторых, другой автор много работал с рукописями этого хранилища при подготовке Сводного каталога XIV в. и хорошо их знает, а третья причина будет изложена ниже. Надо сразу сказать, что фронтального сравнения всех помещенных в Своде записей не проводилось. Но даже и такая “прикидочная” проверка дала немало.

Судя по приведенной в Своде библиографии, Л.В.Столярова начала заниматься записями на книгах в конце 80-х гг. [Свод 2000: 470]. Какие наиболее полные печатные описания рукописей в то время были? В порядке выхода можно назвать три основных, которые покрывали практически весь фонд книг XI-XIII вв. и часть XIV в. [Пергаменные рукописи БАН; СК XI-XIII; Каталог ЦГАДА XI-XIV]. Как видно из названия, из БАН в книгу вошли только пергаменные кодексы, в Каталоге ЦГАДА (из-за практически полного отсутствия в собрании южнославянских книг) также помещены сведения только о пергаменных рукописях. Описания рукописей XIV в. самых крупных хранилищ (ГИМ¹⁹, РГБ и РНБ) надо было искать в весьма

¹⁹ Одно из подробнейших описаний – описание Синодального собрания, подготовленное еще А.В.Горским и К.И.Невоструевым.

обширной литературе²⁰. Вероятно, данное обстоятельство и послужило причиной того, что Л.В.Столярова сосредоточила свое внимание именно на пергаменах.

В Сводном каталоге XI-XIII вв. многие записи даны описательно, но при подготовке Каталога ЦГАДА составители отказались от этой практики и некоторые (но не все) записи привели дословно. Поэтому в отношении записей Каталог ЦГАДА полнее Сводного (это и есть та третья причина, по которой для проверки выбрано именно это издание).

Авторы настоящей рецензии не поленились посмотреть, какие из рукописей ЦГАДА, включенные в Каталог, не упоминаются в Своде. В результате стало возможным приблизительно реконструировать методику работы составительницы, и картина получилась следующей.

Первоначальный выбор был сделан на основании печатного описания, при этом отбирались те рукописи, в которых приводились записи писцов или цитировались записи, по форме напоминающие записи писцов²¹. Исключенными оказались рукописи, в описаниях которых записи писцов не упоминались. При этом, вероятно, были допущены только 3 ошибки: в Своде не упоминаются записи переплетчика и двух писцов²² [Каталог

²⁰ Указатель использованных архивных фондов [Свод 2000: 515-517] дает немало материала для размышления. Из фондов крупнейших российских хранилищ использованы: ГИМ – 54 рукописи (из них 37 из Синодального собрания); РГАДА – 54; РГБ – 16(!); РНБ – 43. Теперь, после выхода первого выпуска Сводного каталога XIV в. можно узнать, сколько еще записей на помещенных в нем книгах не вошло в Свод.

²¹ Были проверены и пергамены РГБ по Сводному каталогу XI-XIII вв. Составительница не ошиблась: в описаниях неиспользованных в Своде рукописей записи писцов не упоминаются.

²² Есть и четвертый случай, но он скорее лежит на совести составителей Каталога. Одна рукопись (ф. 381, № 60) была пропущена, и ее описание под № 38а помещено на отдельном листе, который должен был вкладываться в уже готовый Каталог при распространении или продаже. Можно предположить, что эти вставные листы есть не во всех экземплярах.

ЦГАДА: 45, № 7; 100, № 36; 270, № 137]. Конечно, эти замечания легко отвести, достаточно сказать, что составительница не считает их записями писцов.

Но при этом уважаемая составительница почему-то не заметила, что некоторые записи писцов, опубликованные в Своде²³, упоминаются в Каталоге как пробы пера со ссылкой на лист рукописи. Подобные ссылки в изобилии есть и в описаниях тех рукописей, которые не вошли в Свод, и более чем вероятно, что под ними также подразумеваются пробы пера писцов. Поэтому полнота Свода в очередной раз вызывает сомнения.

При просмотре Каталога ЦГАДА перед нами встал “догматический” вопрос. Кто мог оставить на полях рукописи XII в. или двумя позже не только пробы пера типа: “попытаю” “покушаю”, но и другие, более развернутые и информативные записи? Для нас ответ практически очевиден – писец. Но тот писец, для которого дошедшая до нас книга была протографом. Приведем несколько примеров.

“На л.1 запись уставом XIII в.: “азо мнѣгогрѣшны[и] ѿфи[м]и начахъ [пи]сати” [Каталог ЦГАДА: 62, № 15].

“... запись уставом XIV в., киноварью: “не оукысло лице еще...”. На л.44 об. запись небрежным полууставом XIV в., киноварью: “Не оукысло лице еще покушаю” [Каталог ЦГАДА: 182, № 84]²⁴.

“На л.34 записи уставом XIV в.: вверху – “осподи мило...”; внизу – “дримлетъ сѧ хо...” [Каталог ЦГАДА: 234, № 123].

А уж запись XIV в., содержащую такие слова: “w горе човесе. во ст҃удене воде вес кожу” [Каталог ЦГАДА: 196, № 97] просто жаль исключать из любого Свода.

²³ Это те записи, к которым в Своде сделано примечание типа “Публ. и иссл. отс.”.

²⁴ Три другие записи из этой рукописи, которые авторы Каталога (возможно, и ошибочно) не посчитали записями писцов, Л.В.Столярова включила в Свод [Свод 2000: 402, № 428-430].

Помимо этого, есть и другие ошибки. Например, неправильное цитирование Каталога ЦГАДА [см.: Свод 2000: 51, № 39, примеч. 1-2; 299, № 287, примеч. 5]. Все эти подмеченные случаи (в действительности их, возможно, больше) объединяет одно: чтение, приводимое Л.В.Столяровой как чтение Каталога ЦГАДА, отличается от действительно помещенного там пропуском букв “ж”, “ѣ”, “ѧ” (которые отсутствуют в гарнитуре пишущей машинки). Особенно показательна в этом отношении запись № 229. Создается впечатление, что при ее публикации Л.В.Столярова использовала 3-й экземпляр машинописи, в котором не были проставлены буквы “і” (в записи таких букв 11!). Из неправильной цитации записи родился следующий комментарий: “Буква к служила обозначением буквы н или использовалась в числовом значении либо ѧ (50), либо в своем обычном – 20” [Свод 2000: 230]. На самом деле буква к в записи только тогда имеет значение 50, когда впереди или после нее стоят три буквы і [Каталог ЦГАДА: 136].

Сделанные наблюдения привели нас к следующим выводам. На первом этапе работы (при подготовке диплома, статей и диссертации) Л.В.Столяровой вполне хватило собранного по печатным описаниям материала. Потом он обрабатывался, расширялся, и на каком-то этапе появилась идея Свода. Но перед ее реализацией и не мелькнула мысль о том, что методология и методика подготовки Свода имеют свои весьма специфические черты, и отбор источников лучше начать сначала, по заново определенным единым принципам, и нельзя просто сложить и дополнить старые работы, уверовав в свою непогрешимость.

Теперь изложим замечания к записям в порядке их расположения в Своде.

№ 4. Вопреки безапелляционному утверждению составительницы [Свод 2000: 13], А.Поппэ не является автором “остроумной концепции” о том, что в “коуриловице”, упоминаемой в

записи Упия Лихого, следует видеть искаженное болгарское “коурлькъ” (трактуемое как “образец”, “подлинник”, “оригинал”). Польский исследователь лишь повторил и отчасти развило мнение архимандрита Леонида. Гипотезу, однако, следует признать совершенно бесперспективной, поскольку древнерусские (и православные славянские вообще) писцы никогда не пользуются в записях понятием абстрактного оригинала, каковы бы термин (обычно “перевод”, “список”) для этого не употреблялся. Речь всегда идет о конкретном списке, определяемом по писцу, происхождению, изводу или месту хранения. Такое определение, несомненно, должен был бы иметь и “коурлькъ” гипотезы Леонида-Поппе. В пользу того, что оригинал Упия был уже кириллическим, решительно высказывался и А.И. Соболевский [Соболевский 1923: 240-243]. Хотя вопрос о масштабах применения глаголицы в списке самого Упия нуждается в дополнительном исследовании путем сопоставления максимального числа ранних копий Книг 16 пророков, однако само собой напрашивается предположение, что упоминание “куруловицы” в записи 1047 г. восходит к записи болгарского книжника, действительно транслитерировавшего глаголическую рукопись.

№ 5. В комментарии сказано: “В данном случае, скорее всего, указывается на свойство (родство по браку или крови)” [Свод 2000: 15]. А может свойство быть родством по крови?

№ 8. Изборник 1073 г., выходная миниатюра. Составительница искусственно соединяет здесь два элемента: молитву персонажей миниатюры, ошибочно названную подписью писца, и их имена [Свод 2000: 19].

№ 11. Запись писца в Изборнике 1073 г. [Свод 2000: 25-29]. Кирилло-Белозерский список Изборника [К-Б 5/1082] не имеет точной даты написания (1445 г.), а датируется по филиграммам третьей четвертью XV в. Еще 20 лет назад Н.Н. Розов убедительно показал, что прочитанная С.П. Шевыревым в рукописи

“дата” в действительности представляет слово “аминь”, написанное курсивным погреченным почерком [Розов 1981: 22-35]. Эта работа Н.Н. Розова осталась автору неизвестной, равно как и вышедшее 10 лет назад последнее наборное издание памятника [Симеонов сборник].

№ 12. Изборник 1076 г. В комментарии к словам “извърано из много книг княжихъ” [Свод 2000: 30] составительница почему-то выражает сомнение в существовании киевской княжеской библиотеки, никаких следов которой по ее мнению не сохранилось и сведения о которой в других источниках отсутствуют (справедливое замечание по этому поводу см.: [Кистерев 2001: 211-212]). Попутно она сообщает об отсутствии прямых данных о существовании в Древней Руси частных библиотек и выражает несогласие с гипотезой М.В. Щепкиной о привозе на Русь библиотеки болгарского царя Симеона. Это один из примеров (увы, регулярных) плохого знания Л.В. Столяровой исследовательской литературы, в особенности зарубежной. Поскольку вопрос о библиотеках не относится к первостепенным задачам рецензии, мы не будем тратить время на полемику (хотя сказать здесь можно очень много), ограничившись ссылкой на новейший компактный и емкий экстракт, сопровождаемый библиографией [Алексеев 1999: 139-140]. Важнее в данном случае другая деталь. Л.В. Столяровой несомненно осталась неизвестна точка зрения голландского слависта Уильяма Р. Федера, предлагающего видеть в записи Изборника 1076 г. соединение двух, первая из которых является копией записи болгарского писца (“грешного Иоанна”), сделанной не позднее 917 г. (дата принятия Симеоном царского титула). В этом случае “княжие книги”, упоминаемые в ней, являются библиотекой Симеона. Исследователь не раз писал об этом, в том числе и на русском языке (библиографию работ см.: [Федер 1985: 150; The Edificatory Prose: 188-190], подробно исследовал источники сборника и издал комментированный английский перевод памятника [The Edificatory Prose: 3-120]. В

свете его изысканий южнославянское происхождение переводов текстов, входящих в сборник, не подлежит сомнению, при этом установлено, что ряд текстов, послуживших источниками статьи Изборника, сохранился в позднейшей южнославянской рукописной традиции (см. мнение такого тонкого непредвзятого исследователя как Д.М.Буланин [Буланин 1991: 161-178]).

№ 16. “Эмоциональная запись писца(?) о красоте испорченной заставки – *А люва заставице искажению*”... Смысл записи, вероятно, сводится к самоиронии ее автора, неудачно написавшего заставку” [Свод 2000: 35]. Кстати, на цветной вклейке (рис. 3) запись не видна, а заставка не выглядит испорченной. Прочтение записи в Своде (и, соответственно, ее истолкование) вызывает сильные сомнения. Так, к примеру, предпоследняя буква в последнем слове ни в коем случае не “и”, а “п” [Тихомиров 1962: 149].

№ 18. В своем прочтении Л.В. Столярова игнорирует отдельные буквы, читая другие произвольно (ср.: [Тихомиров 1962: 149]), поэтому ее интерпретация не может быть принята.

№ 19. Отождествляя Домку-Якова, писца Милятина Евангелия с Домкой, участвовавшим в переписке новгородских Миней 1090-х гг. [Свод 2000: 39-41], Л.В. Столярова следует за старой и не самой удачной гипотезой В.Л.Янина [Янин 1981]. Это отождествление, в результате которого запись в Евангелии рассматривается как копия, отражающая оригинал, созданный между 1092 и 1115 гг., не выглядит сколь-либо надежным обоснованным, поскольку базируется лишь на единстве имен в связию обоих Домок с церковью или монастырем Четверодневного Лазаря (аргументы в пользу того, что речь в обоих случаях идет о церкви см.: [Бобров 2001: 48-49]). Содержание записи не дает оснований полагать, что она представляла хоть какой-то интерес для копииста - в ней отсутствует как авторитет древности (нет года), так и авторитет происхождения. Особыми

литературными достоинствами она также не отличается. По поводу же совпадения имен хочется воскликнуть вслед за донной Розой: “Мало ли в Бразилии Педров!”. В истории средневекового славянского книгописания достаточно случаев, когда одно и то же имя (причем не самое редкое) носило двое современников, при этом порой работавших в одном книгописном центре²⁵. Неужели в Новгороде за 120 лет при церкви Лазаря не могло появиться двух Домок (все-таки имя достаточно нейтральное - не Упирь Лихый)?

Вызывает решительное возражение однозначный перевод глагола “крил” как “переплетал” [Свод 2000: 42], лишний раз свидетельствующий о плохом знании составительницей Свода самой насущной для нее литературы. Л.В.Столярова безоговорочно следует в данном случае за традицией, идущей от И.И.Срезневского и не объясняющей появление в слове “и” вместо ожидаемого “ы”. Но еще в 1986 г. А.А. Зализняк посвятил целый параграф глаголу “крити”, имеющему значение “купить”, “оплатить”, “приобрести”, рассмотрев в этом контексте и данную запись [Янин и др. 1986: 174-175]²⁶. Безусловно, это значение глагола в контексте записи более уместно, чем “переплестать”. Но со сменой значения слова исчезают основания для заключения Л.В. Столяровой “о неразвитости (или почти полном отсутствии) практики разделения труда при письме книг в

²⁵ Так, к примеру, Радомир, писец среднеболгарского Евангелия середины XIII в. [Мих. 6] и соименный ему писец Псалтыри второй половины того же столетия [Зогр. 47] (образцы почерков см.: [Десподова и др.: 1988, № 43 и 56]). В сербском монастыре Хиландарь в середине XIV в. было два монаха книгописца по имени Роман [Цернич 1976: 338, 348-350], а в Кирилло-Белозерском монастыре в первой четверти XV в. так же обстояло дело с Христофорами [Турилов, в печ.].

²⁶ Причина этого, впрочем, ясна. Основной источник библиографических сведений Л.В.Столяровой составляет (как уже отмечалось) СК XI-XIII, куда работа А.А.Зализняка войти не успела.

Древней Руси” [Свод 2000: 42], во всяком случае, на данном примере. Еще в одном комментарии к этой записи составительница, стремясь обосновать свою правоту, демонстрирует полное непонимание психологии средневекового человека с его иерархизированным сознанием. В.Л.Янин, первым предложивший отождествить двух Домок, один из которых (Яко) именует себя попом, а другой нет, объяснял это тем, что в момент работы над минеями книгописец еще не был рукоположен (соответственно, Евангелие писалось после миней). Разумеется, это единственно правильное объяснение, если принимать тезис о тождестве книгописцев. Л.В. Столярову такой вариант почему-то не устраивает, и она объясняет умолчание о сане христианским смирением писца. Для выражения смирения тот имел возможность употребить целый набор разнообразных уничижительных эпитетов, которыми так богаты записи, однако в своем сане он ни в коем случае не забыл бы. Вообще, ссылка на смирение писца или заказчика очень удобный (хотя и некорректный) прием, позволяющий объявить кого угодно кем угодно, что особенно наглядно демонстрируется в комментарии к № 72 (см. ниже).

№ 70. Эта запись, снабженная в Своде чрезвычайно развернутым комментарием [Свод 2000: 76-78], является несомненно подложной, несмотря на все попытки составительницы доказать, что это “модернизированная” копия с недошедшего оригинала. Аргументы исторического характера против признания записи аутентичной изложены А.Г.Бобровым [Бобров 1999: 45-48] (ему принадлежит и ряд палеографических и графико-орфографических наблюдений) и С.Н.Кистеревым [Кистерев 2001: 209]. Исторические сведения записи противоречивы, хотя Л.В. Столярова и уверяет читателей, что “упоминания в ней конкретных исторических лиц также в целом не содержат хронологических несообразностей” [Свод: 77]. Перейдем от этого целого к деталям.

Год в записи обозначен как 6637, т.е. 1 марта 1128 - 29 февраля 1129 г. по ультрамартовскому стилю, 1 сентября 1128 - 31 августа 1129 по сентябрьскому, или 1 марта 1129 - 28 февраля 1130 по мартовскому. В комментарии к предыдущей публикации записи составительница датировала ее 1129/1130 г. [Столярова 1998: 289-290], объясняя упоминание имени Нифонта вместо его предшественника Ивана Попьяна тем, что первый, прибывший в Новгород 1 января 1131 г., мог быть поставлен еще в предшествующем году. В новом издании оставлен только 1129 г. и никаких объяснений этому не дано. Нифонт действительно был хиротонисан в 1130 г. (вероятно, в ноябре-декабре [Поппэ 1989: 195]), но в записи нет и намека на то, что в момент написания книги владыка был поставлен, но еще не прибыл в Новгород. В любом случае хиротония не могла состояться ранее лета 1130 г., поскольку ее совершал митрополит Михаил, прибывший в это время в Киев [Поппэ 1989: 195], т.е. позже даты, указанной в рукописи, даже по мартовскому стилю. Простейшее объяснение, которого составительница не желает признавать, состоит в том, что создатель записи не знал о существовании Иоанна Попьяна, исключенного из поминания в новгородских синодиках (см.: [Янин 1988: 47-54, 207-209]) и допустил промах с датировкой, что, разумеется, не свидетельствует в пользу аутентичности записи. Противоречит этому и ее формуляр. Светские и церковные власти упомянуты здесь в несимметричной комбинации - названы великий князь и новгородский архиепископ, но нет местного князя и митрополита. Между тем, для подлинных записей характерно упоминание либо местной пары властей, либо обеих пар (местной и верховной). Отсутствие упоминания одного из архиереев в некоторых случаях может объясняться вдовством кафедры в тот момент (см. замечания к № 366), но к данному случаю это, разумеется, неприменимо.

По графико-орфографическим признакам запись (с учетом

того, что она претендует на новгородское происхождение) может быть датирована не только второй половиной XIV в., даже рубежом XIV-XV вв. (отсылаем читателей к ее хорошему воспроизведению [Бобров 1999: 46]). Прежде всего бросается в глаза поздняя форма “зело” в дате - в виде латинского “s”, а строчного курсивного “г”. Подобный начерк этой буквы в цифровом значении в русских рукописях появляется не ранее рубежа XIV-XV вв. в ряду прочих графических новаций вызванных “вторым южнославянским влиянием” [Соболевский 1903: 2; Карский 1928: 190; Гальченко 2001: 366-367]. При этом следует учитывать, что в новгородских памятниках старая форма “зело” абсолютно преобладает по крайней мере до начала 1430-х гг. То же относится к регулярному употреблению “i” перед гласными - запись дает 14 таких примеров при двух традиционных для XIV в. написания в этой позиции “и”. По той же причине плохо соответствуют предлагаемой Л.В. Столярова датировке и неполногласные формы: “Владимировиче” “Новаграда” вместо ожидаемых в данном случае “Володимировиче” и “Нова города”. Однако эти особенности вовсе не обязательно указывают на первую половину XV в. как время создания записи (в конце концов, подобный сдвиг не имеет принципиального значения для текста дошедшего не в оригинале) - все они отразились в поздних церковно-славянских нормах, которыми руководствовались фальсификаторы первой половины XIX века. Если искать наиболее подходящую кандидатуру на роль создателя записи, то ею представляется А.И. Сулакадзе, хотя, разумеется, нельзя отвергать и каких-то безымянных пока “героев”, подвизавшихся на этой ниве. Начертания отдельных букв записи на сборнике и облик письма в целом имеют много общего с творениями князя, запечатленными на Уставе церковном начала XV в. из Переславля Залесского [Музейск. 3496: 7 об.; Вздорнов 1980: Каталог, № 87]. При этом следует особо подчеркнуть, что уровень испол-

нения подделки на погодинском сборнике исключительно высок (начерки букв унифицированы и последовательно выдержаны), фальсификат должен рассматриваться как своеобразный шедевр подложной записи.

№ 72. В определении заказчика Пантелеймонова Евангелия и связанной с этим датировки кодекса Л.В. Столярова совсем уж, как гласит французская поговорка, “забрасывает чепчик за мельницу” [Свод 2000: 81-87]. Она игнорирует устоявшуюся в научной литературе палеографическую датировку рукописи рубежом XII-XIII вв. и предлагает свою - на полвека старше. Ранее составительница (как это явствует из приведенной ею же библиографии) придерживалась датировки, близкой к традиционной - не ранее 1185 г. Что же заставило ее столь существенно пересмотреть точку зрения? Она решила, что миниатюра (на которой помещены великомученик Пантелеймон и великомученица Екатерина) непременно изображает небесных покровителей заказчика и его жены. Не обнаружив в новгородских летописях за конец XII - начало XIII вв. подходящего Пантелеймона, Л.В. Столярова решительно изменила подход и начала искать время, когда в Новгороде водились бы Пантелеймоны. Единственным достойным внимания, которого ей удалось отыскать, оказался князь Изяслав Мстиславич - сын новгородского князя Мстислава Владимировича и брат также сидевшего на новгородском столе св. Всеволода-Гавриила. Это “отождествление” и дало в результате предложенную датировку. Хотя заказчик не именуется в записи князем (он назван “мужем”), Л.В. Столярова с легкостью устранила это противоречие, заявив, что перед Богом все равны: “Может быть, это нейтральное определение призвано было подчеркнуть величие духовных подвигов вкладчика? Ведь перед Богом его социальный статус не имел значения” [Свод 2000: 83]. Подобный прием уже был опробован издательницей на примере многострадального Домки (см. выше № 19). В принципе, из этого можно вывести заклю-

чение, что князья, упомянутые в записях с титулом, были есеитами, а не атеистами, то “прельщенными в небытную ересь”. Попутно “установление” заказчика дало составительнице возможность порассуждать о женах Изяслава, имена которых (во всяком случае - христианские) неизвестны, а заодно и о детях. Хорошо, что дело не дошло до внуков.

Можно лишь позавидовать оптимизму Л.В. Столяровой, полагающей, что если человек не фигурирует на страницах летописи, то его и не существовало в природе, а также считающей, по всей видимости, что значительные вклады могли делать лишь князья (в крайнем случае – бояре). Новгород, без сомнения, самый “документированный” средневековый русский город, однако даже по отношению к нему (перефразируя Марку Твена) “сведения, которыми мы не располагаем о древнем Новгороде, весьма обширны”. Заказчиком Евангелия, начальная часть записи на котором дошла, к сожалению, в руинированном состоянии, вполне мог быть даже не боярин, а “житий человек” или богатый купец (для которых объем перечисленных вкладов – икона Богоматери, колокол, Пролог и Евангелие – хотя и значителен, но вполне посилен, тем более, что они могли делаться не сразу, а в течение некоторого времени). Безвестный заказчик вполне мог быть не новгородцем, а псковичом или жителем Старой Русы, для которых практика заказов в богатой различными ремесленниками метрополии была делом обычным. Ничуть не менее вероятны и другие варианты интерпретации миниатюры, а также их комбинации. Она может изображать патрона храма (монастыря) и ангела родственницы (жены матери, сестры, дочери и т.д.) заказчика, по душе которой был сделан вклад. Наконец, само сочетание святых на миниатюре позволяет предложить еще одну версию. И Пантелеймон и Екатерина традиционно почитались как святые целители. Миниатюра могла быть выполнена как обетная - в память исцеления больного, который молился им о здравии. Ни одна из этих версий

(разумеется, далеко не столь эффектных) не требует тех натяжек, которые позволяет себе составительница, и не заставляют переносить датировать рукопись. Разумеется, до палеографических аргументов Л.В.Столярова здесь, как обычно, не снисходит. Тем не менее, палеография записи вполне соответствует именно рубежу XII-XIII вв. – сравним, например, очень близкий почерк в отрывках пергаменного галицко-волынского Евангелия апракос [Одес.-Соф.], датированного концом XII в. [СК XI-XIII, №] (снимки – [Рукописи БАН. Приложение. Рис. 2; Запаско 1995: 216; № 29]).

№ 73. Запись, помещенная на л.43 об. – “М(ε)с(я)ча въ 24 обр...” [Свод 2000: 87], датирована так же, как и № 74 – выходная запись писца – 13 сентября [Свод 2000: 88], хотя она явно должна быть сделана раньше. О содержании этой “памятной” записи, не видя книги, судить трудно, но можно высказать предположение, что в Стихираре минейном, начинающемся с 12 декабря, на л.43 об. могут находиться стихирны на Обретение главы Иоанна Предтечи (24 февраля), и помета о тексте заголовка у края нижнего поля была сделана для рубрикатора книги. Считать ее незаконченной также нельзя: подобные пометы могли содержать краткое указание, которое, однако, трудно понять неверно.

№ 76. Датировка рукописи, предложенная Л.В.Столяровой, абсолютно произвольна, и основывается лишь на упоминании пожара Вознесенской церкви в Новгороде (хотя географическая привязка храма непременно к метрополии является не более, чем гипотезой) в 1175 г. и известия о ее возведении в 1185 г. Опираясь столь шаткими аргументами, составительница ни словом не упоминает возможности палеографической датировки. Последняя, между тем, дает основание отнести кодекс чуть ли не на столетие в древность по сравнению с датой, предложенной составительницей. Она, по всей вероятности, не моложе новгородских миней 1090-х гг., но, в отличие от них, написана каллиграфическим уставом круга Изборника 1073 г. и

Мстиславова Евангелия (обзор мнений см.: [СК XIV: 565] образцы почерка: [Верещагин 2001: форзацы]). Дата рубеж XI-XII вв. или начало XII в. не представляется для нее излишне ранней. В пользу датировки рукописи началом XII в. высказывался (среди других мнений) и И.И.Срезневский [Срезневский 1882: 60], но он ошибочно полагал, что запись сделана не писцом рукописи. Стоит также добавить, что недавно несколькими исследователями одновременно удалось надежно реконструировать топоним записи – “Имоволоже” – и установить тем самым, что “бывый попин” Илья работал вдалеке от города на Волхове [Верещагин и др. 1999: 6; Янин 1999].

В комментарии много места отведено словосочетанию “бывый попин”, при этом рассматриваются такие варианты: по старости, из-за того, что сгорела или рухнула церковь, лишение сана [Свод 2000: 91]. Заключительный вывод отменно хорош: “В любом случае ясно, что “бывым попом” священник становился не только в случае своей смерти” [Там же]. Во-первых, нам всегда казалось, что после смерти священник становился “покойным”, а не “бывым”, а, во-вторых, глабоуважаемая составительница не привела самую распространенную причину, по которой поп становился “бывым” – он просто овдовел.

№ 81. Два пассажа о Якове-Творимире не слишком согласуются. Сначала сказано, что “Запись сделана... почерком, схожим с почерком I писца кодекса Якова-Творимира”, но затем говорится: “Неясно, принадлежит ли эта запись одному из писцов кодекса, или ее автор – Яков-Творимир – отметил ею факт поступления Стихиаря заказчику” [Свод 2000: 94]. Так кем же был Яков-Творимир: писцом или “автором записи”? Ведь его имя упоминается только в записи, и если почерк, которым она написана, не совпадает с почерком I писца, то и называть последнего Яковом-Творимиром нет никаких причин.

№ 101. Крайне узко (2-8 марта) датировать запись на основании того, что “Избрание Саввы Гречина (писца книги – Л.М., А.Т.) в

юрьевские архимандриты... состоялось 2 марта 1226 г. Уже 8 марта об был возведен в сан” [Свод 2000: 116] опрометчиво. Составительница правильно отмечает, что после 8 марта Савва не мог именоваться “попином”, но вот почему он не мог так назвать себя ранее 2 марта (а на этом составительница настаивает) – непонятно [Там же]. В действительности, обращение священника к своему пока неизвестному преемнику (с просьбой поминать) не слишком редко в записях и не обязательно было сделано только после избрания. А то ведь после чтения комментария может представиться следующая картина: Савву избрали архимандритом крупнейшего новгородского монастыря, а он, вместо того, чтобы готовиться к поставлению, отложив все, спешно дописывает книгу.

№ 102. Запись писца, михайловского дьячка Давыда в так называемом Шенкурском Прологе [Свод 2000: 116-117], написанном якобы в 1229 г. в Новгороде по заказу некоего Остафья Васильевича для церкви Спаса в Шенкурье, из собрания проф. Ф.И.Баузе (рукопись погибла в московский пожар 1812 г.). Включение этой записи в свод XI-XIV вв. неправомерно, поскольку в реальности рукопись датируется на два века позже – 1429 г.; цифра сотен в дате была несомненно исправлена. Еще двадцать лет назад В.Л.Янин, привлекая сведения этой записи (упоминание Остафья Васильевича и храма Спаса в Шенкурье) для изучения важеской вотчины Василия Матвеевича, упоминаемого в грамоте, датированной 1315-1318 гг., высказал предположение, что Остафий записи мог быть сыном Василия грамоты, а Баузе и Калайдович “ошиблись в дате по крайней мере на столетие” [Янин 1981: 97-98]; еще ранее известные сомнения в датировке рукописи высказывал М.Н. Сперанский [Сперанский 1929: 98-99] (см. № 502). Позднее Янин отказался от этой гипотезы и в работе 1990 г. надежно отождествил заказчика Пролога с сыном Василия Федоровича, упоминаемым в новгородских грамотах 1415-1417 [ГВНП, № 130] и 1422-1423

гг. [ГВНП: 89] – в первой из них Остафий выступает его представителем своего отца [Янин 1991: 302, 305-306]; погнший Пролог датировался соответственно 1429 г. Обе эти работы Янина приведены в своде Столяровой в списке использованной литературы [Свод 2000: 472], однако из полного умолчания о них в тексте комментариев следует, что применительно к данному сюжету они прочитаны не были.

Наблюдения и выводы В.Л.Янина нуждаются лишь в некоторых уточнениях. Так, он полагает, что “Дата, указанная Калайдовичем, по всем историческим обстоятельствам представляется совершенно фантастической, но ошибочность ее прочтения вполне объяснима: сотенная цифра годового числа 6937 (соответствующего 1429-му г.) – “ци” при потертости или загрязненности текста легко может быть принята за “пси” обозначающее сотенное число 700” [Янин 1991: 306]. Это вполне логичное и оправданное объяснение не учитывает, однако, того обстоятельства, что в новгородской и псковской книгописной традиции (в отличие от Северо-Восточной Руси, Белоруссии и Украины) вплоть до середины XV в. 900 обозначалось не через “ц”, а через “юс малый” (если бы в своде Л.В.Столяровой цифры передавались, как и следует, кириллицей, эта разница хотя бы на уровне конца XIV в. была бы особенно показательна и заметна). Последний знак при всей допустимой загрязненности и затертости с “пси” спутать невозможно. С большой степенью вероятности следует предполагать, что цифра сотен в рукописи была исправлена (наведена по подскобленному) с целью удревнения кодекса при его продаже либо самому Ф.Г. Баузе, либо еще предшествующему владельцу. Антикварно-коммерческая цель подобной несложной операции, при которой у буквы выскабливаются боковые “ножки” снизу и пририсовываются “рожки” сверху, не требует подробных объяснений – рукопись 1229 г. уже в силу самой даты ценится (и продается) существенно дороже рукописи 1429 г.

Нуждается в известном уточнении и место написания рукописи. В.Л.Янин в последней работе отождествил его с Михайло-Архангельским монастырем в устье Северной Двины, проигнорировав свидетельства начала XIX в. (пересказ Калайдовича, опись коллекции Баузе) о создании кодекса в Новгороде [Янин 1991: 306]. Между тем, писец рукописи, как и заказчик, известен по всей вероятности и по сохранившимся источникам. Имеется достаточно оснований отождествить его с дьяком Давыдом, переписавшим в 1424 г. пергаменный нотированный Стихирарь [Син. 897] “к святому архистратигу Михаилу повелением раб божиих улицан – михайловцов и видковлян” [Горский и др. 1917: 375, № 520]. Такое отождествление тем более вероятно, что храм находился в Плотницком конце Новгорода, к которому относился и Хутынский монастырь, куда делали земельные вклады родственники заказчика Пролога [Янин 1991: 301]. Разница в наименовании Давыда (“дьячком” в Прологе и “дьяком” в более раннем Стихираре) вполне может объясняться ошибкой К.Ф.Калайдовича. Косвенно в пользу такого отождествления может свидетельствовать и тот факт, что почерк Давыда в Стихираре целиком лежит в русле традиции русских каллиграфических почерков XIV в. и абсолютно (даже на уровне отдельных элементов) лишен новаций, явившихся результатом “второго южно-славянского влияния”; это же относится и к оформлению рукописи (образец почерка и орнаментики см.: [Смирнова 1994: 32]. Разумеется, в начале XIX в., учитывая тогдашнее состояние русской палеографии, очень доверчивому коллекционеру можно было продать как рукопись XIII в. практически любой пергаменный (“харатейный”) кодекс (даже молдавский XVI- XVII вв., благо они такие каллиграфические), но здесь гарантом достаточной традиционности (древности) письма выступает К.Ф. Калайдович (безусловно лучший из знатоков этого времени), видевший рукопись и не заподозривший явного подлога.

Следует заметить, что в другом месте (см. № 502) Л.В.

Столярова почти вплотную подошла к проблеме датировки этой утраченной рукописи, справедливо указав, что тип тайнописной записи в ней соответствует не 1229 г., а скорее XIV - XV вв. Однако далее она запутала и себя и читателей, усомнившись в принадлежности записи писцу (хотя, насколько нам известно, использованная в ней формула, в отличие, скажем, от благопожелательных, вне реальных писцовых записей на практике не встречается).

№ 105. Пергаменная рукопись Паренесиса Ефрема Сирийского [Пог. 71а; Свод 2000: 119-122], запись из которой Л.В. Столярова упорно считает копийной, датируя кодекс 1492 г., несомненно является подлинником, написанным между 1269 и 1288 гг. [Пог. XV, прилож.: 367, № 1; СК XIV: 644-646, № д51]. В СК XI-XII памятник не был своевременно включен из-за упорного сопротивления Е.Э. Гранстрем, отстаивавшей ту же точку зрения, что и составительница Свода, несмотря на то, что один из членов редколлегии каталога, Н.Б. Тихомиров (безусловно крупнейший палеограф-славист современности), был убежден в датировке рукописи временем князя Владимира Васильковича (см., например: [Рукописи Погодина 1992: 5]). Новейшая историография вопроса (увы, в Своде это почти правило) зияет лакунами – здесь не указан целый ряд работ, весьма различных в оценке датировки кодекса. Приведем хотя бы некоторые (полную библиографию см.: [СК XIV: 645-646]). Во-первых, это многотомная публикация славянского текста Паренесиса, где Пог. 71а является основным списком и его языковые особенности подробно рассмотрены [Parenesis 1984-1990] (издатель колеблется между двумя датировками). Во-вторых, чрезвычайно важный в отношении иллюстративного материала свод львовского искусствоведа А.П. Запаско, солидарного в отношении датировки с Л.В. Столяровой [Запаско 1995: 45, 71, 301-303, № 66]. Кстати сказать, критику описания рукописей собрания М.П.Погодина, составители которого придерживаются ранней датировки [Рукописи По-

година 1989: 60-61], за ошибку прочтения части записи, Л.В. Столярова не заметила, что она уже исправлена в предисловии ко второму выпуску [Рукописи Погодина 1992: 5].

Разумеется, яблоком раздора в вопросе датировки Пог. 71а является фраза "... в сии часть. в лето семое. тысяще написашася книги сия...". Ученые, следующие в этом вопросе за И.И. Срезневским, трактуют эти слова как указание на идущую в момент написания седьмую тысячу лет "от сотворения мира" (493-1492 гг.; здесь совершенно справедливо замечание С.Н. Кистерева, что время жизни князя Владимира Васильковича тоже принадлежит этому тысячелетию [Кистерев 2001: 210-211]). Последователи датировки А.И.Соболевского считают ее указанием конкретной даты – 1492 г. и, соответственно, рассматривают рукопись как копию конца XV в. с оригинала XIII столетия. Все остальные аргументы (изложенные уже А.И. Соболевским) полностью зависят от этого credo.

Косвенным, но весомым свидетельством в пользу линии И.И. Срезневского служат примеры из славянской литературы и письменности, в которых при обозначении времени создания фигурирует "осьмая тысяща" лет. Так, известна, например, западнорусская грамота, написанная "осьмое тысящи двадцать первого году" (1513 г.) [Карский 1928: 218], создание южнославянской редакции Сказания о Софии Константинопольской определено ее автором словами: "осьма есть тысуща и последниа" [Сперанский 1960: 67]. Если придерживаться толкования публикатора и ее предшественников, то эти памятники, очевидно, просто еще не написаны.

Предположение, что писец, копируя в 1492 г. запись оригинала, ввел в нее новую дату, но сохранил древние реалии [Свод: 121], не находит подтверждения в средневековой славянской кириллической традиции. Имеются лишь примеры противоположного характера, когда сохраняют дату оригинала, но заменяют реалии, хотя порой и непоследовательно. Таковы, к

слову, список Златоструя, сделанный около 1461 г. с оригинала 1407 г. [Маз. 1679; Каталог РГАДА: 92-94, № 25] и пергаменный Пролог [Усп. 3] с датой 1406 г. в записи, но упоминанием митрополита Фотия.

Если следовать за линией А.И.Соболевского, то приходится признать, что Пог. 71а представляет собой не просто копию, а факсимильную копию, поскольку писцы и оформители в конце XV в. скопировали не только запись, но и с непонятной целью написали рукопись на пергамене исключительно большого формата письмом, подражающим древнему, и в придачу украсили кодекс копией древней миниатюры с изображением Василия Великого и Ефрема Сирина и заставкой тератологического стиля (наиболее убежденным сторонником этой версии является А.П. Запаско [Запаско 1995: 45, 71, 301-303, 66]). Излишне говорить, что подобного рода копии появляются лишь в XIX в. (еще в петровской копии Радзивилловской летописи техникой сколка переведены только рисунки, но текст написан скорописью XVIII в.). Не слишком каллиграфически устав Пог. 71а не имеет ничего общего (вопреки категорическому утверждению Е.Э. Гранстрем [Гранстрем 1953: 68]) с полуставными почерками западнорусских рукописей XV в. (образцы см., например: Запаско 1995: № 61-73]), независимо от того, восходят ли они к молдавскому литургическому полуставу или же представляют непарадный, обиходный вариант книжного письма. В то же время ему можно найти известные аналогии в галицко-волинских уставных почерках второй половины XIII и начала XIV вв., таких, к примеру, как Пог. 13 или Верк. (образцы см.: [Запаско 1995: № 34, 48]); в первом встречается даже (как в Паренесисе) асимметричный вариант “ч” – начертание, которое обычно служит аргументом в пользу датировки Пог. 71а XV в.²⁷

²⁷ В действительности же употребление “ч” одностороннего в рукописях второй половины XIII в. отмечают (хотя и с указанием на редкость) даже самые известные учебники палеографии [Щепкин 1967: 115].

Скромные образцы тератологического орнамента действительно употребляются порой в заставках западнорусских рукописей XV в. (см., например: [Каталог РГАДА: 89, № 23; 181, № 66]), но сходство у них с Пог. 71а ограничивается лишь общей стилевой принадлежностью.

Решительно противоречит датировке кодекса 1492 г. его писчий материал – пергамен. Если во времена А.И. Соболевского еще нельзя было обобщить данные, позволяющие установить пределы употребления пергамена в восточнославянском книгописании, то в наше время, после издания ПС XI-XIV, ПС XV, дополнений к ним, СК XI-XIII и СК XIV картина рисуется вполне определено. Даже в Новгороде и Пскове пергамен как материал книгописания выходит из употребления в третьей четверти XV в., причем на последнем этапе он используется только для создания богослужебных книг [Турилов 1993а: 24-27; Турилов 1993б: 12, 30-33]. Позднее он применяется в книгописании лишь в Молдавии и тоже только в литургических книгах (редчайшие случаи использования пергамена в XVI в. для этих целей на Украине – Пересопницкое Евангелие – объясняются ориентацией на роскошную продукцию молдавских скрипториев).

В общем, получается по известной поговорке: “Если животное лает как собака, кусается как собака и выглядит как собака, то это и есть собака”.

№ 121. По поводу исторического комментария к копии записи 1287 г. на Кормчей предлагаем судить читателям, находится ли он на грани плагиата, или уже переступил через нее. Датируя татарский поход на Краков, в котором участвовал волинский князь Владимир Василькович, составительница перечисляет точки зрения исследователей [Свод 2000: 146], в том числе В.А.Кучкина, упоминая в библиографии его статью, посвященную, в частности, этому вопросу [Кучкин 1996]. Далее следует пересказ положений этой статьи в качестве исследо-

вания самой Л.В.Столяровой²⁸.

№ 133. Имя “Мисах” (кстати сказать, крайне редкое) воссоставляется составительницей по сохранившимся верхним частям букв, при этом осталось незамеченным, что при подобном прочтении писец говорит о себе в третьем лице: “...дрѣмъ Мис[ахѣ]” [Свод 2000: 163]. Конечно, обращение к себе в третьем лице встречается в записях (Л.В. Столярова называет это “самопожеланием”), но в данном случае верно чтению приведенное в Словаре XI-XIV вв.: “дрѣмлет ми са” [Словарь XI-XIV III: С.95].

№ 134. Запись писца Григория, “стажавъшего книгу с(в)ъ томуу арха(н)г(є)лу Михаилу монастырь в вѣк” [Свод 2000: 163]. Само издание записи, хорошо сохранившейся и ясно читаемой, не вызывает никаких вопросов. Излишне ранней (первая половина XIII в.) представляется датировка (см. ниже Комментарий, однако, демонстрирует абсолютное игнорирование истории рукописи и чтение составительницей работ предшественников даже не “по диагонали”, а в лучшем случае пунктиром. В поисках обители, владевшей рукописью, Л.В. Столярова перебирает все возможные на первый взгляд варианты, за исключением правильного. История этой пергаменной тетради в XIX в. достаточно подробно рассмотрена в монографии Г.И.Вздорнова, посвятившего ей отдельный номер каталога [Вздорнов 1980. Каталог № 11]. До поступления в ИРЛИ в 1896 г. отрывок находился в коллекции П.И.Савvaitова, занимавшегося собиранием рукописей в Вологодской губернии. Конкретно о тетради известно со слов владельца, что она найдена

²⁸ Наблюдение В.А.Кучкина, любезно сообщенное им одному из авторов рецензии в устной беседе, и позднее проверенное по тексту. Маститый ученый безусловно явил в данном случае пример голубиной кротости христианского всепрощения, обычно ему несвойственных (см., например [Кучкин 2001; Кучкин 2002]).

на им в 1846 г. среди других книг (замурованных в нише) в великостужском Михайло-Архангельском монастыре. Существование обители в XIII в. не вызывает сомнений (кстати, она упомянута и в основном источнике сведений о михайловских монастырях Л.В. Столяровой – перечне обителей, основанных в 988-1240 гг., в новом издании Истории Русской Церкви митрополита Макария (Булгакова) в разделе, содержащем сведения о монастырях предположительно домонгольского периода [Макарий 1995: 610], но внимания исследовательницы почему-то не привлекла). История рукописи исключает таким образом ее южнорусское происхождение, которому Л.В. Столярова отдает предпочтение. Вопрос состоит лишь в том, писалась ли Минея непосредственно в Устюге (в таком случае это древнейший известный памятник, переписанный здесь) или же была заказана в центре епархии – Ростове. Связь кодекса с устюжским монастырем определяет в значительной мере и его датировку. Местное летописание XVIII в. (в более раннем – вплоть до последней четверти XVII в. – эти сведения отсутствуют) относит создание Михайловского монастыря к 1216 г. [Устюжский летописец: 110], или к 1212 г. [Летописец Льва Вологодина: 129], а кончину его основателя Киприана к 1294 г. (с полной датой “в лето 6302, сентября 29, на память преп. Кириака Отходника, в субботу, в 6 (у Вологодина – в 5) часу дня” [Там же: 111, 130]). Такой невероятный хронологический разрыв заставляет предполагать в первой из дат ошибку, объяснимую графически (6724/1216 г. вместо реального 6784/1276 – “к” вместо “п”); предпочтение дате Устюжского летописца отдается потому, что сочинение Льва Вологодина зависит от него, а пропуск цифры единиц в дате легче объясним, чем ее дополнение. Попутно обнаруживается погрешность и в дате смерти Киприана, поскольку 29 сентября падает на субботу не в 1294 (6802) г., а в 1296 (6804) – ошибка, объясняется, по-видимому, тоже графически, т.к. скорописные начерки “д” (4) и “в” (2) очень похожи.

Реконструкция даты возникновения Михайло-Архангельского монастыря определяет и время написания служебных Минер для него. К этому следует добавить, что Н.Б.Тихомиров отождествивший в 1999 г. как происходящие из одного кодекса отрывки РНБ, Q. п.1. 53. и РГБ, Ундольск. 968 и не знавший вышеизложенных расчетов, датировал рукопись около середины XIII в. (допуск в четверть столетия для “пергаменной” палеографии представляется вполне нормальным).

№ 135. Заголовок статьи взят из “определения разновидности именно этой записи и представляет, по мнению авторов, редкий перл, который трудно не привести целиком: “Помета писца в соответствии переписанного текста сказанному ему в Солуни греческим священником и о раздаче писцом по возвращении на Русь плодов ливанского кедра (курсив наш – Л.М., А.Т.)” [Свод 2000: 165]. Комментарий же просто превосходен: “в записи указано, что *после разговора* (курсив наш – Л.М., А.Т.) греческим священником в Солониках ее автор купил плоды ливанского кедра и раздал их желающим, вероятно, уже по возвращении на Русь” [Там же]. Для начала заметим, что сейчас город называется не “Солоники” (как полагает составительница), Фессалоники или Салоники.

Итак, восстановим последовательность событий, так как она представляется Л.В.Столяровой. Из разговора в Солуни греческим священником автор записи что-то узнал, после чего купил “плоды ливанского кедра”, привез их на Русь и раздал желающим. Так и хочется спросить уважаемую составительницу, в каком виде привез “плоды” на Русь автор записи – кедровые шишки или только орехи? Возможно, что орехи: меньше места занимают; хотя может он хотел кого удивить кедровой шишкой? В любом случае при таком понимании записи действия русского паломника больше напоминают поступки юродивых или сказочных дураков, часто совершавших непонятные посторонним

действия²⁹.

А теперь вспомним, какие слова текста (составительницей не упомянутые³⁰) заставили сделать процитированную в Своде запись: “ливанъ во гора нарицається. жерътва идольская... ливанъ во вседе прилагается. по кажениемъ идолехъ... ливанъ во сказается. жертва идольская” [Каштанов 2001: 40]. Вероятно, подобные слова (“ливан – жертва идольская”) и сказал греческий священник в Солуни русскому паломнику, *уже купившему* (“*вѣхъ скѹпилъ*”) много ладана (ливана). Расстроенный паломник раздал (или рассыпал) весь ладан и *после этого* вернулся на Русь. В другом списке (о котором Л.В.Столярова не знает) не только указано место покупки: “в *Іер(ү)с(а)л(и)ме*”, но есть и продолжение записи: “и *зде* *пришед сказахъ Георгию кн(я)зю*” [Каштанов 2001: 41].

Эта запись была впервые исследована и опубликована А.И.Соболевским [Соболевский 1911: 6], который знал более полный и исправный ее список в сборнике середины XVI в. [МГАМИД:

²⁹ Эти же несообразности отмечены исследователем приведенной записи и заметки “О ливане”. Более того, им довольно убедительно обоснован копияный характер записи [Каштанов 2001: 42-43].

³⁰ Составительница лишь отмечает, что “запись составлена писцом к толкованиям псалтырных текстов, содержащих упоминание о ливанских кедрах (Пс, 38, 5; 36; 71, 16)” [Свод 2000: 165]. Здесь надо заметить, что 5 стихе 38 псалма нет ни слова о ливанских кедрах (есть в 5 стихе 28 псалма), к ссылке на 36 псалом надо было добавить номер стиха – 35 и только последняя ссылка на 71 псалом верна. Что же заставило составительницу Свода перевести “ливан” как “плоды ливанского кедра”? Не лучше ли было обратиться к Словарю XI-XVII вв.? Можно было бы предположить, что ошибиться Л.В.Столярову заставил источник: “На л.20 об. запись (счищенная в конце)... связанная с толкованиями псалтырных текстов на этой странице (о ливанских кедрах)” [СК XI-XIII: 312]. И хотя Л.В. Столярова посмотрела текст на л.20 об. (отсюда и ссылки на конкретные псалмы), но поняла его слишком прямолинейно.

553 об.]. Поскольку работа не была учтена при описании рукописи в СК XI-XIII, составительнице она осталась неизвестна. Дату архетипа записи, с чем согласны все исследователи, работавшие со списком МГАМИД, определяет упоминание имя князя Георгия. Последним русским правителем таким именем до конца XIII в. (время старшего списка) был великий князь владимирский Юрий Всеволодович (1218-1238).

№ 144. Глаголический алфавит прочитан и воспроизведен публикатором не полностью [Свод 2000: 169]. Так, правее “е” отчетливо видно “зело”, далее после значительного пропуска можно разобрать буквы “о р с” [СК XIV: 636].

№ 145. Здесь составительница явно объединила вместе две записи [Свод 2000: 169]. Если ориентироваться на ее воспроизведение текста (а, как мы видели, верить можно не всегда), то глаголическая запись сделана в две строки, отдельно от кириллической.

№ 150. Выходная запись (фрагмент) так называемого “Евангелия кн. Горчакова”: “...Кончахъ в лѣт(о) 6809” [Свод 2000: 174]. Фрагмент записи перепечатан из пособия Е.Ф. Карского, с указанием, что подлинник утрачен, публикации и исследования отсутствуют, и что “Никакими сведениями о судьбе библиотеки кн. Д. Горчакова, которые могли бы прояснить судьбу Евангелия с записью 6809 г., мы не располагаем” [Там же]. Это один из примеров поразительных и ничем не объяснимых пробелов в историографических познаниях автора. Ситуация с Евангелием Горчаковых отнюдь не так драматична, как можно заключить из сказанного Л.В.Столяровой. Начать с того, что кодекс фигурирует у Е.Ф.Карского дважды (и это отражено в указателе источников – [Карский 1928: 487]) – не только на с. 47, на которую ссылается публикатор, но и в словаре писцов – на с. 290. Здесь в рубрике **Василий** помещен еще один (и немаловажный для Свода) фрагмент записи: “Аз, многогрешный мних Василько”. Существеннее, однако, другое. С 1964 г. кодекс

хранится в самом центре Москвы, в НБ МГУ (№ 1367), куда поступил из коллекции известного московского собирателя В.В.Величко. В том же году он получил хотя и краткое, но вполне информативное описание [Конюхова 1964: 86], но еще за 50 лет до этого сведения о нем были опубликованы в авторитетном издании [Библиографическая летопись: 136-137], первая же информация появилась в 1878 г. в “Московских ведомостях” [Свобода 1878]. Уже в наши дни (но достаточно задолго до публикации Столяровой) запись вновь была издана вместе с образцом почерка [Запаско 1995: 278-279]. Другое дело, что пространная запись на л. 261 не имеет никакой исторической ценности (впрочем, Л.В.Столярова питает, как уже отмечалось выше, любовь к фальсификатам и посему, вероятно, не согласится с нашей оценкой), поскольку относится к числу восполнений кодекса, датируемых XIX в. (истории этой антикварной реставрации был посвящен доклад Н.А.Кобяк на конференции 2000 г. в США) и, более того, несомненно имеет источником подложную грамоту галицкого князя Льва Даниловича с датой 8 марта 1301 г. (в этом смысле предположения А.П.Запаско о том, что в рукописи скопирована запись оригинала кон. XIII в. [Запаско 1995: 279] не имеют под собой никаких оснований).

№ 157. Запись названа “эмоциональной”, хотя в тексте есть только констатация: “[Се]и кожи съ 30 лѣт” [Свод 2000: 178]. Подобное замечание можно отнести и к записи № 158 [Свод 2000: 179].

№ 161. Комментарий к записи в Псковском апостоле просто кишит ошибками, возникшими в результате неправильного прочтения текста и незнания календарной терминологии. Только прочтение слова “пасха” как “писал” позволило составительнице дать следующий комментарий: “Неясно, что за крест “псал бяше . . . въ 26 марта” писец. В записи сообщается, что Домид “псал законно”, т.е. согласно с законом, но остается непонятным, на

какой закон ссылается автор записи” [Свод 2000: 182]³¹. Сравните правильное прочтение записи с приведенным выше комментарием: “...пас(хн) законьной лето 21 лунному кругу... а пас(у) бьяше крѣс(тианская) в 26 марта” [Романова 2002: 65]³².

Здесь же составительница поправляет писца, говоря, что в записи указано ошибочно “Василисы” вместо “Вассы” [Свод 2000: 182]. Но никакой “Василисы” в тексте записи нет, даже не указан точно – 21 августа, память св. Вассы [Свод 2000: 182]. Жаль, что практика “восстановления” слов под титулом, может не только навязать читателю неправильное прочтение, но и запутать составителя.

№ 162. То, что Л.В.Столярова определяет как “Запись писца неопределенного содержания” [Свод 2000: 184], представляется выписку из Беседы трех святителей, которая разошлась не только “по текстам”, но и по полям некоторых книг. В приведенной загадке, которую поймет мудрый, подразумеваются пять хлебов от земли и две рыбы от моря, которыми Христос накормил около 5000 человек (Лк. 9: 16). Прочтение же буквы “в” в круге как “двѣ тмѣ” ошибка писца (или его предшественника).

№ 168-169. Безоговорочно считая совпадение мирского имени писца книги – Станимир и отчества вкладчика книги – Стани

³¹ Как хорошо, что Л.В.Столярова еще не связала “крест”, написанный писцом, со статьей “О кресте, что на земли и на леду пишут”, помещаемой в Кормчих, и упустила шанс предположить, что именно из-за таких-то кощунников, пишущих крест на чем попало, и включалась данная статья в книгу.

³² В письме с замечаниями на Свод, присланном нам еще до выхода книги, А.А.Романова пишет: “Курсив и скобки в шрифте типа “Ижица” используемом Столяровой, воспринимаются плохо, а там, где она неправильно поняла текст, они тоже не могут помочь понять запись. Я с помощью публикации Столяровой прочитать запись бы не смогла, но часть записи, содержащая датировку, опубликована с сохранением выносных букв и сокращений у Карского”.

миров сын [Свод 2000: 187, 189] свидетельством их прямого родства, Л.В.Столярова громоздит построения, не заботясь об их логичности и обоснованности, ее не останавливает даже то, что вкладчик дал книгу “совѣ въ здравие... а ш(т)цю своему на память” [Свод 2000: 189], следовательно отец его к этому времени уже умер.

№ 171. Составительнице не нравится корректный вывод В.В.Калугина о причине обращения писца Козмы к св. Козме (как к патрональному святому) вместе с Дамианом, поскольку из этого нельзя не следует никакого “открытия”. Поэтому она пишет: “Можно предположить, что св. Козьма и Дамьян упомянуты в записи в связи с тем, что были патрональными святыми заказчика и будущего владельца Шестоднева – монастыря Козьмы и Дамияна на Гремящей (Гремячей) горе в Пскове” [Свод 2000: 193] только для того, чтобы завершить его следующим пассажем: “О ранней истории этого монастыря ничего не известно... Если наше предположение о том, что в записи названы патроны псковского Козьмодемьянского монастыря верно (а как его можно доказать? – Л.М., А.Т.), то настоящую запись следует признать самым ранним письменным упоминанием этого монастыря” [Там же]. Таким образом мы получаем самое раннее свидетельство существования монастыря, основанное только на смелом предположении. Очень не хотелось бы увидеть, как авторы станут ссылаться на “изыскания” и предположения Л.В.Столяровой как на установленный факт.

№ 185, 188. Две аналогичные записи: “Нощь оуспѣ, а д(є)нь приближисѧ” [Свод 2000: 203,204] определены по-разному: “Дневниковая запись писца о конце ночи и приближении дня” [Свод 2000: 203] и “Цитата писца из Послания ап. Павла к римлянам” [Свод 2000: 204].

№ 191. Исходя из фразы А.А.Покровского о том, что “Козьма переписывал около “одного листа в день” [Свод 2000: 206], а запись расположена на л.115, Л.В.Столярова делает вывод, что

Козьма *должен был соблюдать и соблюдал* эту норму. Поэтому учитывая, что начата работа была 17 декабря, к Пасхе было переписано только 100 листов. Упершись в эти 100 листов, Л. Столярова подгоняет к готовой цифре все свои рассуждения по посту, упоминаемом писцом (отказываясь он ранее подержанного ею мнения В.В.Калугина), попутно рассказывая как есть посты (многодневные, однодневные), когда они положены и т.д. [Свод 2000: 206], пытаясь этим многословием замаскировать неубедительные построения, сводящиеся к тому, что *не мог успеть* Козьма до Пасхи (во время поста) переписать 111 листов вместо 100.

№ 235. Запись о написании Лествицы в 6842 г. 8 апреля, пятницу, на память ап. Иродиона [Свод 2000: 235-236]. Вначале создается стойкое впечатление, что у публикатора существуют большие проблемы с арифметикой. Непонятно, по какой причине предложена дата 1333 г. вместо традиционной – 1334 г. 8 апреля (в комментарии [Свод 2000: 236] почему-то 5 – очевидная опечатка) приходится на пятницу именно в 1334 г., что проверяется известной формулой – $x = N(\text{год от } PX) + 1/4(N-1) + t + 1$ [Карский 1928: 222]. При t равном 98 (год не високосный) остаток от деления суммы на 7 составляет 6, что и соответствует пятнице. Еще более непонятно, при чем здесь ультрамартовский стиль, поскольку в 1333 г. 8 апреля приходилось на четверг (аналогичный остаток = 5). Вообще же, понятие “ультрамартовский стиль” неприменимо к датам от PX и употребляется лишь по отношению к летосчислению от “сотворения мира”. Нелишне, вероятно, напомнить, что ультрамартовский стиль после первой четверти XIV в. практически не употреблялся. Номер индикта (2 вместо 12) остался, по всей видимости, недописанным. Вообще, нумерация лет внутри этого 15-летнего цикла постоянно вызывала у славянских книжников (не только русских, но и болгарских и сербских) трудности, малообъяснимые с точки зрения современного человека.

Помимо этого данный пример, абсолютно прозрачный на наш взгляд в отношении содержания и датировки, дает немало для понимания принципа работы Л.В.Столяровой со справочной литературой. К календарной памяти дан следующий безапелляционный комментарий: “почему писец указал, что книга была закончена в день церковного почитания апостола из 70-ти Родиона (Иродиона) – неясно. Его память отмечается дважды в году – 10 ноября и 4 января, но ни разу – в апреле. На 8 апреля приходится память св. муч. Павсилиппа (см.: Сергей. Месяцеслов. Т. 3. С. 135). Учитывая путаницу хронологических показателей записи (несоответствие дня недели числу месяца и номеру индикта, ошибка в указании памяти святого), следует предположить, что в ней могли быть некритически объединены элементы даты записи протографа и списка” [Свод 2000: 236]. Принимая во внимание малые размеры записи и ее литературную незатейливость, версия о протографе и списке выглядит не слишком убедительной. Путаница, однако, обнаруживается вовсе не там, где предполагает ее исследовательница. Память ап. Иродиона (вкуче с Агавом, Асинкритом, Руфом, Флегонтом, Ермом, и иже с ними) под 8 апреля нетрудно найти и не обращаясь к справочнику Сергея: она имеется в современном церковном календаре. Есть она, разумеется (наряду с январской и ноябрьской памятьми), и в “Полном месяцеслове Востока” [Сергий 2: 101-102; Сергей 3: 597]. Л.В. Столярова почему-то отсылает читателей не к самому месяцеслову, а к сопроводительным заметкам, которые никогда не охватывают весь ономастикон дня (о содержании этого раздела см.: [Сергий 1901 2: VIII]). В результате читателям Свода остается лишь гадать – пользовалась ли составительница в данном случае дефектным экземпляром справочника или тому были иные причины.

№ 239. Запись в Сийском евангелии, так же как и запись в Псковском апостоле (см. выше), прочтена и откомментирована не совсем правильно. Слова “жидовь сего и рѣк” прочтены как

“жидовьсего үрук” [Свод 2000: 237]. А.А.Романова, привлекая живающаяся традиционной датировки памятника 1340-м годом, предлагает свою трактовку: “Слова “жидовь сего и рук” могут пониматься не только как неточная транскрипция “Сено аруко”, но и как “жидовь сего [года] и рук(а)”, т.е. указание на таблицу “рука жидовская” или “пасха жидовская”, в которой содержатся сведения о 19-летнем лунном цикле” [Романова 2002: 57-58].

№ 243. Можно только удивляться изобретательности Л.В.Столяровой, так трактующей слова “А далъ сню Пс(а)лт(и)рь въ д(ү)шевнүю часть...” [Свод 2000: 262] так: “скорее всего имеется в виду место хранения вновь переписанной Псалтири. “Душевной частью” во вкладной записи мог быть назван алтарь за царскими вратами которого, вероятно, находились книги” [Свод 2000: 263].

№ 247. Подобный пассаж мог бы написать человек, никогда не видевший рукописной книги: “как известно, древнерусские кодексы состоят из сшитых вместе тетрадей, образованных из четырех согнутых вдвое, а затем разрезанных листов” (курсив наш – Л.М., А.Т.) [Свод 2000: 266-267]³³. Но если разрезать 4 согнутых листа, то получится 8 одинарных, а никак не тетрадей! Далее следует фраза поистине глубокомысленная: “Считается (какой нейтральный оборот, так и ждешь, что составительница станет его опровергать – Л.М., А.Т.), что писцы писали в разлинованных тетрадях, имевших специальные буквенные сигнатуры, позволявшие избежать путаницы при переплетении” [Свод 2000: 267]. Ну почему же “считается”? Правда писали.

№ 248. Для Л.В.Столяровой упоминание в записи какого-то святого непременно напрямую связано с днем его памяти. Так,

³³ “Книга, господа, – это большое количество нарезанных в четвертку листов бумаги разного формата, напечатанных и собранных вместе, переплетенных и склеенных клейстером. Да-с. Знаете ли вы, господа, что такое клейстер. Клейстер – это клей”. Я Гашек Похождения бравого солдата Швейка

совместное упоминание архангела Вревеила и свв. Козмы и Дамиана заставляет ее вспомнить (со ссылкой на Сергия) о трех парах святых, носящих это имя, только для того, чтобы найти близкую по времени память какого-либо архангела [Свод 2000: 268]. Не найдя их, составительница принуждена сделать следующий вывод: “Таким образом, маловероятно, что обращение писца... одновременно к архангелу и святым Козьме и Дамьяну было связано с тем, что их памяти совпали со временем переписывания л.28” [Там же]. Но поскольку составительнице непременно хочется связать упомянутых святых с каким-то реальным фактом (или фактами) из жизни писца, то появляется даже предположение о его болезни (“бродячий сюжет” Свода), которое, правда, тут же отмечается, и как крайний вариант предлагается следующее: “Остается предположить, Филипп Михалев работал без материального вознаграждения и упоминание им святых “безмездников” связано с тем, что Ирмологий он переписывал по духовному обету, не ожидая платы за свой труд” [Свод 2000: 268].

№ 256. Апокрифическая “Беседа трех святителей” известна в русских списках не с XIV в., как сообщает составительница [Свод 2000: 273], а по крайней мере с XII столетия. Еще в 1989 г. израильский славист М. Таубе издал набором и фототипически [Таубе 1989: 348-358] древнейший отрывок текста (приводимого Л.В.Столяровой фрагмента, правда не включающий), датруемый этим временем и служащий ныне защитным листом Апостола апракос [Синай, Слав. 36], запись писца которого включена в Свод [Свод 2000: 99-100, № 90].

№ 264-266. Три записи приписаны писцу Олексе, который переписал “осн. текст Евангелия” [Свод 2000: 277]. Но в выходной записи № 267 писец именуется Иоанном Телешом, а Олексием Константиновичем – заказчика [Там же]. В комментарии к этой записи сказано, что она “сделана тем же почерком и теми же чернилами, что и осн. текст Евангелия”

[Свод 2000: 278]. Так кто писал “осн. текст”?

№ 269. “...писец трижды обратился к богу с просьбой дарования ему здоровья... Скорее всего, это не было обычно формой молитвенного обращения: ни один из древнерусских писцов XI-XIV вв. не просил о здоровье (курсив наш – Л.М., А.Т.) употребляя в своих записях традиционные формулы “господи помози”, “господи, поспеши”. Поэтому вероятно, что Леонид Языкович переписывал Евангелие, будучи больным” [Свод 2000: 281]. Да помилуйте, стоит только посмотреть в указателе на слово “здравие” [Свод 2000: 504] – всего есть 11 упоминаний да на слово “Писец (его здоровье)” – 3 упоминания [Свод 2000: 508]. Правда, записи № 268, 269, 271, в которых писцы просят о своем здоровье, помещены не там, но разве просьба “дать здоровья к сему богатству” не была изложена под № 193 и 199?

№ 276. Непонятно, почему составительница считает Галицкое евангелие 1357 г. рукописью, переписанной в правление Дмитрия Федоровича [Свод 2000: 287], если галицкий князь Дмитрий носил отчество Борисович и правил только с 1360 г.? Похоже она не прочла статью В.А. Кучкина, на которую ссылается [Кучкин 1974]. И, кстати, почему на статью, а не на вышедшую 10 лет спустя книгу [Кучкин 1984: 242-256]? Вероятно, потому что последняя не упомянута в труде Г.И.Вздорнова, вышедшем в 1980 г. В.А.Кучкин в своих работах убедительно доказал, что Дмитрий Борисович, получивший в 1360 г. (в результате временной утраты московскими князьями великокняжеского стола) ярлык на галицкое княжение, был племянником князя Ивана Федоровича, происходившим из дмитровской ветви рода. Так что в 1357 г. Галичем он владеть никак не мог. Несомненно, основным источником информации, сообщаемой Л.В.Столярковой, послужили не вполне точные сведения монографии Г.И.Вздорнова (см.: [Вздорнов 1980: 121-122]).

№ 286. Фрагмент записи: “Лѣт(а) г(оспод)нихъ 6878 лѣта геньв...”. В комментарии сообщается, что запись находилась в

Прологе, принадлежавшем Киево-Печерской Лавре, что подлинник утрачен, списки неизвестны, и что формуляр записи, не имеющий аналогий в XIV в., вызывает сомнения в ее подлинности [Свод 2000: 298].

Пример вновь демонстрирует поразительные пробелы в историографических познаниях составительницы, поскольку рукопись благополучно хранится в фонде Центральной научной библиотеки им. В.И.Вернадского АН Украины [4П/1] и имеет целый ряд научных описаний разной степени подробности [Срезневский 1876: 554-558; Крыжановский 1889: 53-81, 361-374; Владимиров 1890: 17, № 53; Петров 1896: 8; ПС XI-XIV: № 1001; Геппенер 1969: 54-58, № 13; Запаско 1995: 259-262, № 50 – здесь наиболее полная библиография и др.]. Речь идет отнюдь не о Прологе, а о так называемом Лаврском Евангелии, фигурирующем, в частности, в списке источников по русской палеографии у Е.Ф.Карского под № 69 с приведением начальной части записи [Карский 1928: 49].

Формуляр записи (противоречие между словами “лѣт(а) г(оспод)нихъ” и датой от “сотворения мира”) действительно весьма необычен, но в подложности запись, кажется, не подозревал никто из исследователей. Правда, никто также, кажется, не считал запись стопроцентно принадлежащей писцу (и поэтому ее помещение в Своде не вполне оправдано). В настоящее время запись не видна из-за голубого пятна химического реактива, с помощью которой ее пытались прочесть в XIX в. (И.И.Срезневский?): все исследователи, писавшие о памятнике после Срезневского, ссылаются на его чтения. Сама рукопись выглядит существенно моложе даты, читавшейся в записи. По палеографическим признакам (в частности, употреблению “полубукв” в конце строк – графический прием, неизвестный в датированных памятниках ранее 1390-х гг. [Турилов 1993: 22-23, 36-37]) ее следует датировать концом XIV в. (лучшие снимки почерка приведены в книге А.П.Запаско). По письму и

орнаментике кодекс производит впечатление написанного иллиuminованного в Северо-Восточной Руси (либо выходящего оттуда).

№ 299. Запись датируется периодом с 6 декабря по 1 марта расположена на л.90 [Свод 2000: 307]. Запись № 303 датируется 1 марта-31 августа и помещена на л.110 [Свод 2000: 311]. Если учесть, что последняя – “Дневниковая запись писца о жаркой погоде” [Там же], то возникает правомерный вопрос: сколько времени с 1 марта писец писал 20 листов, если за это время могла наступить жара?

№ 339, 340. Записи должны быть исключены из Свода, так как представляют собою не записи писца, а копии глоссы болгарского переводчика XIV в. (отсюда и слова “по болгарскому языку” в № 340), имеющиеся и в других списках этой редакции перевода Пандектов Никона Черногорца [Свод 2000: 343-344].

№ 341. Это не запись писца [Свод 2000: 344], а приписанная на поле часть заголовка текста: “Слово святых отцев Иоанна Софрония, повесть зело полезна”.

№ 345. Как весть о взятии Москвы 26 августа могла дойти по Псковской земле к 28 августа и попасть в запись, да еще в совершенно летописном виде: “Того же лѣт(а) възашь тотари Маскву...” [Свод 2000: 347]. Расстояние от Москвы до Пскова около 600 км, следовательно гонец должен был за день покрывать почти 300 км. Надо же быть таким приверженцем ультрамартовского стиля (а заодно так буквально понять слова “того же лета”), чтобы вопреки здравому смыслу настаивать, что именно он применен в записи и, следовательно, надо пере датировать рукопись.

№ 347. Не могли сыновья кн. Любарта быть заказчиками Псалтыри [Свод 2000: 351]: это обязательно отметили бы в записи (или так проявилось их христианское смирение?). Кстати, зачем здесь биографическая справка о покойном князе с указанием двух его жен?

№ 349. В комментарии к этой записи Л.В.Столярова в очередной раз демонстрирует уровень своих познаний в области церковного месяцеслова и церковнославянского языка, бодро сообщая (со ссылкой на Полный месяцеслов Востока архиеп. Сергия), что память “пророка Ильи отмечается дважды в году: 20 июля и 3 ноября” [Свод 2000: 353]. Между тем, если в изумлении от чудесного открытия второго Ильина дня обратиться к указанному справочнику, то там под второй из дат находится указание на память преподобного Ильи Египетского (“в мире”). Издательницу ввели в заблуждение слова о том, что “в стихословии пролога” он “уподобляется Илии пророку” [Сергий 2: 343]. Впрочем, в данном случае, как и в комментарии к следующей записи, составительница демонстрирует несомненный прогресс: в книге 1998 г. Ильиных дней у нее было целых три [Столярова 1998: 366] – третьим был день памяти преподобного Илии Ардуниса (31 января), который у Сергия никому не уподоблен.

№ 350. Выходная запись с молитвой дьяка Стефана в Октоихе [Соф. 124: 210 об.] должна быть исключена из Свода по причинам хронологическим: содержащая ее рукопись не может быть датирована ранее начала XV в. В Своде рукопись датирована “ок. 1386 г.” [Свод 2000: 353]. Датировка эта покоится на столь “надежном” основании, как существование Параклитика, переписанного в этом году Стефаном Засковичем, “дьяком Святой Софии” [Свод 2000: 352-353, № 349]. Составительница в принципе исключает возможность того, что в Новгороде и его окрестностях могли одновременно (хотя и эта одновременность в данном случае есть не более, чем убеждение г-жи Столяровой) жить и заниматься перепиской книг два дьякона по имени Стефан (здесь вновь повторяется история со слиянием всех Домок воедино). Отождествление сопровождается следующим комментарием: “Почерки обоих Стефанов нуждаются в палеографической идентификации для исключения их воз-

сходную картину представляет и использование термина «логического стиля в орнаментике» [Смирнова 1994: 64–65; Смирнова 1996: 26–29].

При новой датировке рукописи (1402 – ок. 1430 г.) упоминаемым в записи «владыкой» – отцом заказчика может быть Иоанн, и Сампсон, и Феодосий, и Евфимий I, и даже Евфимий II в начале своего пребывания на кафедре. Наименее вероятными кандидатурами представляются, разумеется, крайние – Иоанн и Евфимий II. Первый из них ко времени основания обители в Видогаще почти полтора десятилетия находился на кафедре, поэтому вероятность того, что в это время еще был жив его отец, весьма невелика. Во времена второго в новгородском летописании уже проявляются новации, связанные со вторым восточнославянским влиянием (и полностью отсутствующие у писца софийского Остромиха), хотя рубеж 1420-х - 1430-х гг. решительно исключить нельзя. Из записи явствует также, что архиепископом был также брат (или – что менее вероятно – сын) по имени Адриан, в монашестве Маркиан (второй заказчик рукописи). Возможно, со временем, на основании упоминаний в монастырских синодиках (или – чего не бывает – в берестяных грамотах) эти имена удастся связать с конкретным главой новгородского Дома Св. Софии вполне определенно.

В заключение стоит упомянуть, что данный вариант комментария, предложенный Л.В.Столяровой, за исключением датировки представляет несомненный прогресс по сравнению с предыдущей версией, выдвинутой ею в предыдущей книге [Столярова 1998: 361]. В Своде она не упоминается, «якоже не бывшая», причина кардинального пересмотра точки зрения никак не объяснена. Предлагаем читателям самим сравнить варианты комментариев 1998 и 2000 гг., первый из которых представляет своеобразный шедевр бесцеремонности в обращении с текстом и надругательства над законами грамматики, весьма наглядно характеризующий исследовательские приемы и установки со-

ставительницы. Ограничимся лишь замечанием, что преподаватель древнерусского языка на филологическом факультете должен был бы за подобные кунштюки поставить студенту «незачет» с условием обязательного повторного прохождения курса.

№ 351. Проба пера с обращением к «г(о)с(поди)ну [к]назю великому Василью Дмитреев[ичу]» [Свод 2000: 355] не может быть датирована ранее смерти его отца, Дмитрия Донского (19 мая 1389 г.).

№ 363. Почему запись названа «дневниковой»? Скорее это формулярная запись: «Си суд судил архимандрит Серапионъ, талгалса Күземъка с Дитроком, тако рек Күземъ...» [Свод 2000: 362]

№ 366. Запись должна быть исключена из Свода [Свод 2000: 365–366] по чисто формальному признаку, поскольку рукопись датируется между осенью 1406 – весной 1410 гг., временем между смертью митрополита Киприана и приездом на Русь Фотия (иначе необъяснимо умолчание о главе Церкви в кодексе, написанном в Великом княжестве Московском и в митрополичьей области). Палеография и художественное оформление кодекса не противоречат такой уточненной датировке. Составительнице, очевидно, остались неизвестны работы, в которых Переславское евангелие датируется началом XV в. [Лифшиц 1995: 183].

№ 370. «... упоминание Богородицы в записи неясно. Обычно в богословской преамбуле... писцы ссылались на «молитвы» патрональных святых корпорации, для которой переписывался кодекс» [Свод 2000: 372]. Знает ли глубокоуважаемая составительница, что для обращения к Богородице, главной заступнице всех христиан, не надо искать поводов и быть членом «духовной корпорации»?

№ 371 «Памятная запись писца о составе трех сборников: плоского, малого и большого» [Свод 2000: 373]. Ну, как ни считай, а в записи упомянуты 4 сборника: плоский, малый,

большой и “подъдунайский” [Там же]. Кстати, хотя в комментарии отмечено, что запись является “одним из древнейших библиографических описаний” [Свод 2000: 375], никаких комментариев к составу сборников не сделано. А ведь это был шанс не только соотнести их содержание с дошедшими до нас книгами, но и дать комментарий к имени автора каждого произведения.

№ 376. Комментарий к записи Александра о написании книги на память Кириака “отходника и пустынноика” является наглядным примером поразительной исследовательской слепоты. Составительница перечисляет памяти всех Кириаков, имеющих к этому слову, и добавляет в заключение: “Какой именно из названных дней имелся в виду в записи – неясно” [Свод 2000: 379]. Поскольку память преп. Кириака Отходника празднуется 29 сентября [Сергий 2: 302], и это безоговорочно отмечено Т.Н.Протасевой (которая до работы в ОР ГИМ, напомним, была монахиней одного из московских монастырей и с содержанием церковного месяцеслова была знакома не только в научном плане, но и не³⁷), повод для столь глубокомысленных колебаний отсутствует.

№ 388. Прочтение и комментарий заставляют не в первый раз задуматься, все ли у составительницы в порядке со зрением. Последнюю фразу записи она передает как: “а писалъ Григоръ [так! - Л.М., А.Т.] Славецъ” [Свод 2000: 387] и настаивает на таком прочтении, хотя ей известно и традиционное. Между тем запись в рукописи сохранилась без малейших утрат и читается без вариантов: “а писалъ Григоръ Дрославецъ” (один из рецензентов, “прийдя во изумление” от варианта, предложенного составительницей, на всякий случай проверил это по подлиннику в ноябре 2001 г.), т. е. именно так, как воспроизвел имя Е. Карский [Карский 1928: 293], прочтение которого оспаривается

³⁷ Она изображена П.Д.Кориным на картине “Русь уходящая” в монашеском облачении отнюдь не в качестве подходящей модели.

Л.В.Столярова, и как передан текст в описании БАН [Пергаменные рукописи БАН: 106]; что в Своде никак не откомментировано.

№ 390. Текст записи сохранился хорошо и никаких вопросов не вызывает [Свод 2000: 389]. Однако составительница некритически восприняла датировку рукописи, существующую в описательской традиции. Вопреки мнению О.В.Звегинцевой, В.М.Загребина, Е.В.Афанасевой [Рукописные книги Погодина 1: 54] и составительницы Свода, кодекс никак не может быть датирован началом XIV в. Почерк рукописи обладает всеми признаками конца этого столетия (особенно показательны начертание “к”, имеющего, по сути, не перекладину, а крышку (образцы почерка см.: [Запаско 1995: 282-283, 284 перечень палеографических примет]), а с учетом консервативности новгородских почерков первой половины XV в. нельзя исключить и датировку первой четвертью (и даже третьей) XV столетия. Искусствоведы датируют рукопись по стилистическим признакам концом XIV в. [Смирнова и др. 1982: 64-65; Смирнова 1994: 22-23 (с библиографией)] или рубежом XIV-XV вв. ([Логвин 1974: 72-73; шифр рукописи в списке иллюстраций указан неверно - Пог. 69; Запаско 1995: 284, № 58], разумеется, высказанное в этих работах мнение об украинском происхождении рукописи не имеет под собой оснований). Излишне говорить, что эти датировки Л.В.Столяровой проигнорированы вместе с литературой.

№ 439. Неправильная “расшифровка” слова под титулом (должно быть “мати твоя”, а не “м(илос)ти твоя” [Свод 2000: 406]) не только затемняет смысл записи, которая явно связана с евангельскими словами “се мати твоя” (Мф. XII 47; Мр. III 32), но и заставляет неправильно определить разновидность: “Инвокативная(?) запись писца с призыванием имени Богородицы” [Там же]. Никакого призывания здесь нет.

№ 482. Эта хрестоматийная запись, являющаяся, в частности,

одним из древнейших свидетельств стоимости писчего материала и работы книгописца на Руси, не может быть включена в свод XI-XIV вв. по двум причинам. Во-первых, это не запись писца (это безоговорочно признает и сама составительница [Свод 2000: 427], в очередной раз постулирующая принципы), а сопроводительное письмо, написанное на готовом кодексе. Вторая заключается в проблеме датировки записи, в отношении которой нельзя полностью исключить начало XV в., хотя это и представляется маловероятным. Проблему необходимо отделить от вопроса датировки кодекса, поскольку вопреки казалось бы однозначному свидетельству Фрола, сообщаемому в письме о затратах на писчий материал и на переписку, запись отделяет от времени создания рукописи приблизительно столетие (остается лишь гадать, положил адресант сэкономленные на переписке деньги себе в карман или же его расчеты касаются других нужд монастырю книг)³⁸. Л.В.Столярова вслед за предшественниками (И.И. Срезневским, Е.Э. Гранстрем, ПС XI-XIV) суммарно датирует кодекс (и запись в нем) XIV в. (правда, не очень понятно, почему безоговорочно проигнорирована и даже не упомянута более узкая датировка – “около половины (т.е. середины - Л.М., А.Т.) XIV в.” [Карский 1928: 91]). Однако еще в начале XX в. была предложена датировка письма Фрола первой половиной – серединой XV в., когда П.В. Голубовский по изданию И.И. Срезневского [Срезневский 1866: 93-94, № 20; Срезневский 1867: 201-202] достаточно надежно отождествил упомянутого в письме Григория Серина (которого исследовательница именуется в заглавии записи почему-то “Сирином”, т.е. сирийцем), с Григорием Серициным, фигурирующим в

³⁸ При этом, разумеется, не нужно забывать, что посланное на Двину старое Евангелие было скромной по оформлению, но написанной профессиональным писцом книгой прекрасной сохранности (оно хорошо сохранилось и до наших дней).

двинской грамоте 30-х гг. XV в. [ГВНП, № 233] в качестве послуха [Голубовский 1906: 7] (хороший пример внепалеографической датировки). К этому мнению вскоре присоединился и А.А. Шахматов [Сибирцев и др. 1909: 22]; в новейшей литературе аргументы Голубовского были уточнены и дополнены В.Л.Яниным [Янин 1991: 311-312]. С этого времени, казалось бы еще не отличавшегося узкой специализацией историко-филологических исследований (а скорее эпохи эрудитов), две линии датировки записи существуют независимо друг от друга и никак не пересекаются (при этом вторая из них загадочным образом осталась незамеченной Л.В.Столяровой). Палеографы, кодикологи и филологи (кроме специально занимающихся двинскими грамотами) следуют за датировкой Срезневского (с нею рукопись попала и в списки источников словаря русского языка XI-XIV вв. [Словарь XI-XIV 1: 44]). Историки же опираются на выводы П.В. Голубовского, пользуясь при этом публикацией Срезневского и не интересуясь современным шифром рукописи [Андреев 1986: 58-60; Янин 1991: 311-312]. Е.Ф. Карский, несомненно знакомый если не с рецензией Голубовского, то со статьей Сибирцева и Шахматова, не учел их выводов по всей вероятности потому, что первое издание его труда (под заглавием “Очерк славянской кирилловской палеографии”) вышло в свет еще в 1901 г., позднее же, в исправленных и дополненных переизданиях 1913 и 1928 гг., сюжет не привлек его внимания.

Однако и датировку письма, принятую в исторической литературе, трудно признать окончательной. Дело в том, что второе лицо, на основании которого строил свои доводы П.В. Голубовский – михайло-архангельский игумен Акакий – в оригинале записи отсутствует: настоятель этой обители не назван по имени (в этом отношении публикация Л.В. Столяровой абсолютно корректна – ср.: [СК XIV: 611]). Это обстоятельство заставляет искать другие аргументы для датировки письма

Фрола. Таковыми до некоторой степени являются имена старославянских монахов Михайло-Архангельского монастыря – Василия и Степана, упоминаемые вместе. Время старощения Василия В.Л.Янин ограничивает первой четвертью XV в. [Янин 1991: 306-307], а смерть Степана датирует 1430-ми гг. [Янин 1991: 310-311], но аргументом в последнем случае служит именно рассматриваемая запись, якобы упоминающая игумена Акакия. Вероятнее всего верхнюю границу следует определять не позднее первой трети XV в. В то же время нижнюю составляет дата основания монастыря, к которой целесообразно приурочить и заказ Новгороде книг, необходимых для богослужения, в том числе Евангелия апракос полного (разумеется, если последний не был вызван экстраординарными обстоятельствами – например пожаром в обители). Сохранившуюся благословенную грамоту выданную новгородским архиепископом Иоанном (избран 7 мая 1388 г., хиротонисан в Москве 17 января 1389 г., принял схиму в конце 1414 г.) В.Л.Янин предлагает датировать 1398-1414 гг. [Янин 1991: 299] на основании упоминания в ней двинских посадников, а не посадника, связывая эту перемену с окончанием московско-новгородского конфликта 1397 г. Палеографические особенности послания Фрола, обладающего явными признаками первой половины XIV в., заставляют отдавать предпочтение максимально ранней датировке (не позднее первого десятилетия XV в.) при допущении, что адресант к моменту написания письма был уже очень немолод и обучался грамоте не позднее середины столетия.

№ 502. Тайнописная запись писца в сгоревшем в 1812 г. Шенкурском Прологе [Свод 2000: 437] не должна входить в Свод, поскольку рукопись надежно датируется не 1229, а 1429 г. (см. № 102). При разборе записи проигнорировано мнение орфографическая реконструкция М.Н. Сперанского [Сперанский 1929: 98-99], которая, несомненно, является лучшей публикацией из возможных для данной записи по состоянию материала

М.Н.Сперанский (с известными колебаниями) хотя и не исключал возможности датировки 1229 г., однако (что в данном случае немаловажно), почти не сомневался в ее принадлежности перу писца. Излишне патетически звучат, на наш взгляд, слова о расшифровке записи И.И.Срезневским, поскольку речь идет о простейшей из русских криптографических систем (простой литорее или “тарабарской грамоте”), которой во времена Измаила Ивановича еще исправно пользовались не только старообрядцы на письме, но даже, как уверяют этнографы XIX в., офени-разносчики (и те же старообрядцы) в разговорах, не предназначенных для чужих ушей.

Разумеется, по прочтении всего написанного выше у читателей возникает естественный вопрос – а можно ли вообще пользоваться Сводом записей как справочником? Уверенно отвечаем – можно! Но только в том случае, если все сведения – от прочтения и датировки записи до ее комментария – вы проверите лично, по оригиналу или надежным публикациям.

Если же говорить серьезно, то к Своду в целом можно предъявить только одну серьезную претензию: пользоваться им опасно, так как тиражирование многочисленных ошибок может привести к тому, что именно неправильное прочтение, трактовка и т.д. станет “принятой в науке точкой зрения” (авторы могли бы предложить поставить на книге известный архивный гриф “Д.О.”, что значит “доступ ограничен”, но понимают, что в настоящее время это предложение может показаться недемократичным). Помимо этого выход в свет Свода записей являет тревожный симптом состояния отечественной исторической науки: что-то в ней решительно не в порядке (как в собственно научном, так и в моральном плане), если подобные работы получают “всенародную поддержку и одобрение”. Но это – совершенно отдельная тема.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Рукописные источники

- БОЗ 154 – Варшава, Национальная библиотека, Библиотека Ординации Замойских, 154. Евангелие апракос. Втор. пол. XIV в.
- Верк. – РНБ, Ф. п. I. 99. Евангелие апракос краткий («Евангелие Верковича», «Палимпсест Верковича»). Кон. XIII в.
- Вильн. 16 – Вильнюс, БАН Литвы, ф. 19, № 16. Апостол апракос, отрывок. Посл. четверть XIV в.
- Волог. 241 – РГБ, Вологодское собр. (ф. 354), № 241. Каноны Триодейной постной и цветной. Перв. пол. (сер.?) XIV в.
- Ковр. – ИРЛИ, Древлехранилище, Р. IV, оп. 25, № 30. Евангелие апракос полный («Ковровское евангелие»). Втор. пол. XIV в.
- Лавраш. – Краков, Библиотека Чарторийских. 2097 IV. Евангелие апракос («Лаврашевское евангелие»). Нач. XIV в.
- Льв. 48 – Львов, Нац. музей, № РК 48 (257). Пандекты Антиоха Черногоризца. 1307 г.
- Маз. 1679 – РГАДА, собр. Ф.Ф.Мазурина (ф. 196), № 1679. Златоструй и Торжественник минейный со статьями Маргарита. Ок. 1461 г.
- МГАМИД – РГАДА, ф. 181 (собр. Рукописного отделения библиотеки МГАМИД). № 478. Сборник толкований. Сер. XVI в.
- Музейск. 3496 – ГИМ, Музейское собр., № 3496. Устав церковный Иерусалимский. Начало XV в.
- Одес.-Соф. – БАН, 4. 5. 22 (Сырку 14); Одесса. Археологический музей, № 5965; София, НБКМ, № 25/441. Евангелие апракос, отрывки. Кон. XII в.
- Пог. 312 – РНБ, собр. М.П.Погодина, № 312. Сборник богослужебный, включающий Требник. Перв. треть XVI в.
- Пог. 71а – РНБ, собр. Погодина, № 71а. Паренесис Ефрема Сирина. 1269-1288.
- Ризн. 6 – РГБ, собр. ризницы Троице-Сергиевой лавры (ф. 304. III), № 6 (Музейное, № 8652). Евангелие тетр. 1399 г.(?)
- Синай, Слав. 36 – Синай. Б-ка монастыря Св. Екатерины, Собр. славянских рукописей (старое), № 36. Апостол апракос. XII в.
- Син. 591 – ГИМ, Син. 591. Палея историческая с добавлениями. Посл. треть XV в.

- Син. 674 – ГИМ, Син. 674. Требника митрополита Феогноста. Нач. XVIII в.
- Син. 897 – ГИМ, Син. 897. Стихирарь нотированный. 1424 г.
- Соф. 63 – РНБ, собр. Новгородского Софийского собора, № 63. Псалтырь. Кон. XII - нач. XIII в.
- Соф. 124 – РНБ, собр. Новгородского Софийского собора, № 124. Октоих. Перв. треть XV в.
- Соф. 189 – РНБ, собр. Новгородского Софийского собора, № 189. Минея служебная, октябрь. 1370 г.
- Срезн. 69 – БАН, 24.4.22к (Срезн. 69), приписка к рукописи неуставленного содержания. Кон. XIII - нач. XIV в.
- Тих. 1 – Новосибирск, ГПНТБ СО РАН, собр. М.Н.Тихомирова, Р-1. Евангелие апракос полный («Друцкое евангелие»). 1400-1401 г.
- Тих. 8 – Новосибирск, ГПНТБ СО РАН, собр. М.Н.Тихомирова, Р-8. Слова Григория Богослова, отрывок. Втор. пол. XIV в.
- Тр. 19 – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304. I), № 19. Ирмологий. Кон. XIV - нач. XV в.
- Увар. 269-1° – ГИМ, собр. А.С.Уварова, № 269-1°. Евангелие апракос полный. Кон. XIV - нач. XV в.
- Увар. 317-1° – ГИМ, собр. А.С.Уварова, № 317-1°. Апостол апракос полный. Втор. пол. (кон.?) XIV в.
- Увар. 379-4° – ГИМ, собр. А.С.Уварова, № 379-4°. Апостол-Евангелие апракос. Перв. треть XIV в.
- Усп. 3 – ГИМ, собр. Успенского собора, № 3-перг. Пролог, март-август. 1410-1431 гг.
- Финл. 14 – БАН, 4. 9. 14 (собр. Финляндских отрывков, № 14). Минея служебная на январь, отрывки. XIII в.
- Чув. 1 – РГБ, собр. М.И.Чуванова (ф. 733), № 1 (старый 14). Торжественник минейный и триодный, с дополнительными статьями. Третья четв. XV в.
- Яр. 15472 – Ярославль, Музей-заповедник, инв. № 15472. Служебник. Ок. 1328-1336 гг.
- Яц. – БАН, 13. 3. 36 (из собр. А.И. Яцимирского). Сборник смешанного содержания. Третья четв. XV в. (ок. 1462 г.).
- 4П/1 – Центральная научная библиотека им. В.И.Вернадского АН Украины 4П/1. «Лаврское евангелие». Кон. XIV в.
- F 8 – РНБ, Ф. п. I. 8. Евангелие апракос полный. Посл. четв. XIV в.

Печатные источники и литература

- Алексеев 1999 – Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Андреев 1986 – Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII-XV вв. Л., 1986.
- Библиографическая летопись: – Библиографическая летопись Общества любителей древней письменности. СПб., 1914. № 1.
- БЛДР 1997 – Библиотека дитературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.
- Бобров 1991 – Бобров А.Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV - первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991.
- Бобров 1999 – Бобров А.Г. К вопросу о древнейших скрипториях Великого Новгорода // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России / Сборник докладов конференции 17-21 ноября 1998 г., Москва. М., 1999.
- Буланин 1990 – Буланин Д.М. Неизвестный источник Изборника 1076 г. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44.
- Верещагин 2001 – Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.
- Верещагин и др. 1999 – Верещагин Е.М., Крысько В.Б. Наблюдения над языком и текстом архаического источника – Ильиной книги // ВЯ. 1999. № 2.
- Вздорнов 1980. Каталог: – Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков. М., 1980.
- Владимиров 1890 – Владимир П.В. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII столетий // Чтения в Обществе Нестора-летописца. Киев, 1980. Кн. IV. Отд. II.
- Гальченко 2001 – Гальченко М.Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н.Валка. М.-Л., 1949.
- Геппенер 1969 – Геппенер М.В. Слов'янські рукописи XI-XIV ст. у фондах Відділу рукописів Центральної наукової бібліотеки АН УРСР: Огляд, опис, публікації. Київ, 1969.
- Гиппиус 1992 – Гиппиус А.А. Новые данные о пономаре Тимофее – новгородском книжнике середины XIII века // Информационный

- бюллетень [Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК)]. М., 1992 (на обложке - 1991). Вып. 25.
- Голубовский 1906 – Голубовский П.В. Новые издания и исследования по древнейшему периоду русской истории // Университетские известия. Киев, 1906, № 2.
- Горский и др. 1917 – Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III. Ч. II. М., 1917 (= ЧОИДР. 1917. Кн. 4).
- Гранстрем 1953 – Гранстрем Е.Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]. Л., 1953.
- Десподова и др. 1988 – Десподова В., Славева Л. Македонски средновековни ракописи. Прилеп, 1988. [Кн.] 1.
- Дружинин 1923 – Дружинин В.Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия // ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31.
- Дружинин 1926 – Дружинин В.Г. Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века // ЛЗАК. Л., 1926. Вып. 33.
- Запаско 1995 – Запаско Я.П. Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995.
- Карский 1928 – Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
- Каталог ЦГАДА – Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост. О.А.Князевская, Н.С.Коваль, О.Е.Кошелева, Л.В.Мошкова. М., 1988.
- Каштанов 2001 – Каштанов Д.В. К истории связей Северо-Восточной Руси и Фессалоники во второй половине XII – начале XIII века // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья: Сборник тезисов. М., 2001.
- Кистерев 2001 – Кистерев С.Н. О “Своде” записей на древнейших русских манускриптах // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5.
- Конюхова 1964 – Славяно-русские рукописи XIII-XVII вв. Научной библиотеки им. А.М.Горького Московского государственного университета (Описание) / Сост. Конюхова Э.И. М., 1964.
- Крыжановский 1889 – Крыжановский Г. Рукописные евангелия киевских книгохранилищ. Исследования языка и сравнительная характеристика текста. Киев, 1889.
- Кучкин 1974 – Кучкин В.А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. М., 1974. Вып. 94.

Кучкин 1984 – Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984.

Кучкин 2001 – Кучкин В.А. Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2001.

Кучкин 2002 – Кучкин В.А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002, № 2-4 (публикация продолжается).

Летописец Льва Вологодина – Летописец священника устюжского Успенского собора Льва Вологодина 1765-1767 гг. // ПСРЛ. Т. 37.

Лифшиц 1995 – Лифшиц А.Л. К вопросу о центрах книгописания Древней Руси: Рукописи начала XV в. из Переславля Залесского // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6.

Лифшиц 2001 – Лифшиц А.Л. рец.: Л.В.Столярова. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV веков. М., 2000. 544 с. // Славяноведение. 2001. № 2.

Логвин 1974 – Логвин Г.Н. 3 глибин. Київ, 1974.

Лосева 1999 – Лосева О.В. Русские праздники в древнейших церковных календарях // Русское средневековье. 1999 г.: Духовный мир. М., 1999.

Макарий 1995 – Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История русской Церкви. Кн. 2. М., 1995.

Молдован 1984 – Молдован А.М. “Слово о законе и благодати” Илариона. Киев, 1984.

Момина 1976 – Момина М.А. Постная и Цветная триоди // Методические рекомендации по описанию рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. II.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Отреченное чтение – Отреченное чтение в России XVII-XVIII вв. / Отв. ред. А.Л.Топорков и А.А.Турилов. М., 2002.

Охотина-Линд – 1996 Охотина-Линд Н.А. Рукописное наследие Валаамского монастыря XV- начала XVI вв. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49.

Паскаль 1989 – Паскаль А.Д. Итоги и задачи изучения рукописей Гавриила Урика как ранних источников по истории славяно-молдавской книжности XV в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989.

Пергаменные рукописи БАН – Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI-XVI веков / Сост. Н.Ю.Бубнов, О.П.Лихачева, В.Ф.Покровская. Л., 1976.

Петров 1896 – Петров Н.И. Описание рукописных собраний, находя-

щихся в г. Киеве. М., 1896. Вып. 2.

Поздеева и др. 2000 – Поздеева И.В., Лифшиц А.Л. Лицевой Служебник XIV в. из коллекции А.И.Сулакадзева // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000.

Поппэ 1976 – Поппэ А.В. К истории романских дверей Софии Новгородской // Средневековая Русь. М., 1976.

Поппэ 1989 – Митрополиты Киевские и Всея Руси // Шапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси XI-XIII вв. М., 1989.

ПС XI-XIV – Предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР (Для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно // АЕ за 1965 год. М., 1966.

ПС XV – Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986.

ПСРЛ 4 – Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т.4 (Новгородская IV летопись).

ПСРЛ 37 – Полное собрание русских летописей. М.-Л., 1982. Т. 37 (Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв.).

Розов 1981 – Розов Н.Н. О датировке и локализации Кирилло-Белозерского списка Изборника царя Симеона // Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981.

Романова 2002 – Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV-XVII вв. СПб., 2002.

Рукописи Погодина 1988 – Рукописные книги собрания М.П.Погодина / Каталог. Л., 1988. Вып. 1.

Рыков и др. 1984 – Рыков Ю.Д., Турилов А.А. Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ) // Древнейшие государства на территории СССР 1982. М., 1984.

Рыков и др. 1987 – Рыков Ю.Д., Турилов А.А. Из истории русско-болгарских культурных связей XI в. (Григорий Философ – малоизвестный писатель Киевской Руси) // Русско-болгарские связи в области книжного дела / Сборник материалов VII болгаро-советского семинара. София, 1987.

Свобода 1878 – Свобода Н. Новая древнеславянская рукопись евангелия (кн. Д.С.Горчакова) // Московские ведомости. 1878. 3 октября.

Свод 2000 – Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV веков. М, 2000.

Сергий – Сергий, архиеп. (Спасский). Полный месящеслов Востока. М., 1997. Т.1-3 (репринт изд. 1901).

Сибирцев и др. 1909 – Сибирцев И.М., Шахматов А.А. Еще несколько двинских грамот XV в. // Исследования по русскому языку. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 5.

Симеонов сборник – Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). София, 1991. Т. 1 (Исследования и текст); 1993. Т.2 (Речник-индекс).

СККДР 1 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI - первая половина XIV в.). Л., 1987.

СК XI-XIII – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI-XIII вв. М., 1984.

СК XIV – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1 (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская).

Словарь XI-XIV – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). М., 1988-2000. Т.1-VI.

Словарь XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 1-25. М., 1975-2000.

Смирнова и др. 1982 – Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода XV в. М., 1982.

Смирнова 1994 – Смирнова Э.С. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV в. М., 1994.

Смирнова 1996 – Смирнова Э.С. Источники Премудрости: Новгородская миниатюра XV в. / Fonti della Sapienza: Le miniature di Novgorod del XV secolo. Milano, 1996.

Соболевский 1903 – Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903.

Соболевский 1911 – Соболевский А.И. Неизвестный русский паломник // Известия ОРЯС, 1911. Т. 16. Кн. 1.

Соболевский 1917 – Соболевский А.И. Русское известие о последних галицких Рюриковичах // Сборник статей в часть М.К. Любавского. Пг., 1917.

Соболевский 1923 – Соболевский А.И. Ис коуриловице // ИОРЯС за 1921 г. Пг., 1923. Т.26.

Сперанский 1928 – Сперанский М.Н. К истории русских рукописных подделок // Доклады АН СССР. Л., 1928. Серия В, № 9.

Сперанский 1929 – Сперанский М.Н. Тайнопись в южнославянских и

русских памятниках письма. Л., 1929.

Сперанский 1960 – Сперанский М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

Срезневский 1866 – Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Записки имп. Академии наук. СПб., 1866. Т. 9. Кн. 1. Прилож. 3.

Срезневский 1867 – То же. Изд. 2-е // Сборник ОРЯС. СПб., 1867. Т. 1. № 6-9.

Срезневский 1876 – Срезневский И.И. То же. // Сборник ОРЯС. СПб., 1876. Т. 15. № 1.

Срезневский 1882 – Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X-XIV вв.). Общее повременное обозрение. СПб., 1882.

Срезневский 1989 – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. I-IV. М., 1989

Столярова 1998 – Древнерусские надписи XI-XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.

Тихомиров 1962 – Тихомиров Н.Б. Каталог русских и славянских рукописей XI-XII вв. Ч. 1 // Записки Отдела рукописей [Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина]. М., 1962. Вып. 25.

Тихомиров 1968 – Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.

Турилов 1993а – Турилов А.А. О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона-книгописца» (БАН, Доброхот. 26) // Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1993. Вып. 26.

Турилов 1993б – Турилов А.А. Предисловие (Опыт авторецензии) // Дополнения к “Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)”. М., 1993.

Турилов 1997 – Турилов А.А. Заметки о кириллических пергаменах собрания бывшей Виленской публичной библиотеки (ф. 19 БАН Литвы) // Krakowsko-wileńskie studia slawistyczne. Kraków. 1997. Т. 2.

Турилов 2001 – Турилов А.А. Забытые русские святогорцы – Каллиник и “филадельф” (Страничка истории русского книгописания на Афоне в конце XIV - начале XV в.) // МОСХОВІА: Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. [Вып.] 1 (К 60-летию Б.Л. Фонкича).

Устюжский летописец – Устюжский летописец в редакции 1746 г. // ПСРЛ. Т. 37.

Федер 1985 – Федер У. К изучению орфографии Изборника 1076 г. и его антиграфа // Славянска палеография и дипломатика. София, 1985. [Т.]. 2.

- Христова 1996 – Христова Б. Опис на ръкописите на Владислов Грама-
тик. Велико Търново, 1996.
- Цернич 1976 – Цернич Л. О атрибуцији средњовековних српских ћири-
лских рукописа // Текстологија средњовековних јужнословенских
књижевности. Београд, 1976.
- Щапов 1973 – Щапов Я.Н. Некоторые юридические и канонические
памятники в славянской письменности XII-XV вв. // Методическое
пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного
каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1.
- Щапов 1976 – Щапов Я.Н. Восточнославянские и южнославянские
рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М.,
1976.
- Янин и др. 1986 – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на
бересте из раскопок 1977-1983 гг. М., 1986.
- Янин 1981 – Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.
- Янин 1988 – Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора.
М., 1988.
- Янин 1991 – Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. М., 1991.
- Янин 1999 – Янин В.Л. Имоволоже (Из истории новгородско-княжеских
отношений) // Источниковедение и краеведение в культуре России.
М., 1999.
- Parenesis 1984-1990 – Parenesis. Die altbulgarische Übersetzung von
Werken Ephraim des Syrers. Herausgegeben von G. Bojkovsky. Freiburg
im Breisgau. 1984-1990. Bd. 1-4.
- Taube 1989 – Taube M. An Early Twelfth-Century Kievan Fragment of the
Беседа трех святителей // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989 Vol.
XII/XIII (Proceedings of the International Congress Commemorating the
Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine).
- The Edificatory Prose – The Edificatory Prose of Kievan Rus' / Translated
by W.R. Veder. Harvard, 1994 (Harvard Library of Early Ukrainian
Literature. English Translations. Vol. VI).